

Ассоциация
Российских
Банков

Национальный исследовательский
институт Доверия, Достоинства и Права

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
14 декабря 2024 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Аузан Александр Александрович

доктор экономических наук,
профессор, заведующий кафедрой
«Прикладная институциональная экономика»,
декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

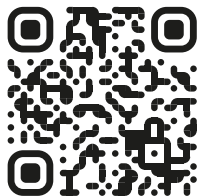
Миркин Яков Моисеевич

доктор экономических наук,
профессор, председатель Научного совета
Института экономики роста им. П.А. Столыпина

Полтерович Виктор Меерович

академик РАН, доктор экономических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель научного направления
«Математическая экономика» ЦЭМИ РАН,
заместитель директора Московской школы экономики
МГУ им. М.В. Ломоносова,
действительный член Эконометрического общества,
почетный президент Новой экономической ассоциации

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДД_иП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Роль институтов в развитии общества

Материалы заседания 14 декабря 2024 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2025

УДК 316.334.3:316.42
ББК 60.560+60.524
Р68

Роль институтов в развитии общества : материалы заседания 14 декабря 2024 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М. : ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с. – ISBN 978-5-6054924-1-2

Настоящий сборник содержит материалы о роли социальных общественных институтов в развитии общества.

В основу дискуссии положен анализ трудов нобелевских лауреатов 2024 года по экономике Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, проанализировавших причины, по которым одни страны становятся богаче других.

Российские ученые делятся своими наработками, результатами исследований, мыслями о том, каким образом с помощью общественных институтов в условиях глобальных вызовов эффективно использовать имеющийся потенциал для ускорения экономического роста и повышения благосостояния народа.

УДК 316.334.3:316.42
ББК 60.560+60.524

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6054924-1-2

© Тосунян Г.А., составление, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН	6
Справка	12
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	
акад. ТОСУНЯН Г.А.	16
 ДОКЛАД 1 д. э. н., проф. АУЗАН А.А.	29
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ: СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ, КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ	
д. э. н. СУХАРЕВ О.С. – проф. АУЗАН А.А.	58
чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – проф. АУЗАН А.А.	63
д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. АУЗАН А.А.	68
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. АУЗАН А.А.	72
проф. МОМДЖЯН К.Х. – проф. АУЗАН А.А.	80
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – проф. АУЗАН А.А.	82
ИГИТЯН М.Ю. – проф. АУЗАН А.А.	85
д. э. н. КУЛИКОВ Н.И. – проф. АУЗАН А.А.	87
 ДОКЛАД 2 д. э. н., проф. МИРКИН Я.М.	90
РОССИЯ: КАК СТАТЬ «РАЗВИТОЙ ЭКОНОМИКОЙ», ОПИРАЯСЬ НА НЕСОВЕРШЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ. ОЦЕНИВАЯ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ – 2024	
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МИРКИН Я.М.	109
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – проф. МИРКИН Я.М.	110

к. и. н. БЕЛИКОВ И.В. – проф. МИРКИН Я.М.	111
акад. МАЕВСКИЙ В.И. – проф. МИРКИН Я.М.	113
акад. ТОСУНЯН Г.А. – проф. МИРКИН Я.М.	116
д. э. н., проф. АУЗАН А.А.	120
БАУЭР Т.А., проф. АУЗАН А.А., проф. МИРКИН Я.М.	123
д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. МИРКИН Я.М.	131
к. э. н. АБРАМОВ А.Е. – проф. МИРКИН Я.М.	133
проф. АУЗАН А.А., акад. ТОСУНЯН Г.А., проф. МИРКИН Я.М.	136
д. ю. н. КОЛОСОВА Н.М. – проф. МИРКИН Я.М.	139
ГНУСАРЕВ А.В., проф. МИРКИН Я.М., проф. АУЗАН А.А.	142
акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	145
д. э. н. СУХАРЕВ О.С.	153
к. э. н. САРКИСЯН Т.С., проф. МИРКИН Я.М., акад. ТОСУНЯН Г.А.	158
чл.-корр. ЧЕРНЫШ М.Ф.	167
проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	172
чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – проф. АУЗАН А.А.	173
к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – акад. ТОСУНЯН Г.А.	176
д. э. н. МОКИЙ М.С.	180

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

д. э. н., проф. АУЗАН А.А.	183
д. э. н., проф. МИРКИН Я.М.	184
акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.	187

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

акад. ГУСЕЙНОВ А.А.	189
---------------------	-----

акад. ТОСУНЯН Г.А.

196

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий»
президента АРБ и НИИ ДДиП**

204

**СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА
ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА
(НКС ППСЭПО) ООН РАН**

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ
АБДУСАЛАМ
АБДУЛКЕРИМОВИЧ

академик, д. филос. н., научный руко-
водитель Института философии РАН

КОКОШИН
АНДРЕЙ
АФАНАСЬЕВИЧ

академик, д. и. н., директор Центра
перспективных исследований национа-
льной безопасности России Экспертного института НИУ ВШЭ

ТОСУНЯН
ГАРЕГИН
АШОТОВИЧ

академик, д. ю. н., президент Ассоци-
ации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО
НИКОЛАЙ
ВИТАЛЬЕВИЧ

к. э. н., эксперт Национального иссле-
довательского института Доверия,
Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВЕТИСЯН
АРУТЮН
ИШХАНОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., директор Инсти-
тута системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН

АГАНБЕГЯН
АБЕЛ
ГЕЗЕВИЧ

академик, д. э. н., профессор

АПОЛИХИН
ОЛЕГ
ИВАНОВИЧ

чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)

АУЗАН
АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

БАТУРИН
ЮРИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

БУЗНИК
ВЯЧЕСЛАВ
МИХАЙЛОВИЧ

академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов

ГРАЧЕВА
ЕЛЕНА
ЮРЬЕВНА

д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)

ГРИНБЕРГ
РУСЛАН
СЕМЕНОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН
АНТОН
ВИКТОРОВИЧ

к. э. н., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА
ЖАННА
АНАТОЛЬЕВНА

чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

ЖУРАВЛЕВ
АНАТОЛИЙ
ЛАКТИОНОВИЧ

академик, д. п. н., научный руководи-
тель Института психологии РАН

ИВАНОВ
ВИЛЕН
НИКОЛАЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., главный науч-
ный сотрудник Института социально-
политических исследований ФНИСЦ
РАН

ИЛЬИН
ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ

чл.-корр., д. э. н., профессор, науч-
ный руководитель Вологодского
научного центра РАН

КАСАВИН
ИЛЬЯ
ТЕОДОРОВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., руководитель
сектора социальной эпистемологии
Института философии РАН

КЛЕПАЧ
АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

ЛЕКТОРСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. филос. н., главный науч-
ный сотрудник Института философии
РАН

МЕДВЕДЕВ
ПАВЕЛ
АЛЕКСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

МИРКИН
ЯКОВ
МОИСЕЕВИЧ

д. э. н., профессор

НЕСТИК
ТИМОФЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. п. н., профессор РАН, заведующий
лабораторией социальной и экономи-
ческой психологии Института психо-
логии РАН

НИГМАТУЛИН
РОБЕРТ
ИСКАНДРОВИЧ

академик, д. ф.-м. н., научный руководи-
тель Института океанологии
им. П.П. Ширшова РАН

ПЕТРЕНКО
ВИКТОР
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заведующий лабо-
раторией психологии общения фа-
культета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

ПОГОСЯН
ГЕВОРК
АРАМОВИЧ

академик Национальной академии
наук Армении (НАН РА), иностран-
ный член РАН, д. социол. н., научный
руководитель Института философии,
социологии и права НАН РА

САВЕНКОВ
АЛЕКСАНДР
НИКОЛАЕВИЧ

академик, д. ю. н., директор Инсти-
тута государства и права РАН

САННИКОВА
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА

д. ю. н., профессор РАН, руководи-
тель Центра правовых исследований
цифровых технологий Государствен-
ного академического университета
гуманитарных наук

САРКИСЯН
ТИГРАН
СУРЕНОВИЧ

к. э. н., заместитель председателя
правления Евразийского банка разви-
тия

СМИРНОВ
АНДРЕЙ
ВАДИМОВИЧ

академик, д. филос. н., директор Ин-
ститута философии РАН

СОЛОДКОВ
ВАСИЛИЙ
МИХАЙЛОВИЧ

к. э. н., директор Банковского инсти-
тута НИУ ВШЭ

ТЕДЕЕВ
АСТАМУР
АНАТОЛЬЕВИЧ

д. ю. н., профессор кафедры государ-
ственного аудита Высшей школы гос-
ударственного аудита (факультет)
МГУ им. М.В. Ломоносова

ТИХОМИРОВ
ЮРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

д. ю. н., заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ТОРШИН
АЛЕКСАНДР
ПОРФИРЬЕВИЧ

к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса

ТОЩЕНКО
ЖАН
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

УГРЮМОВ
МИХАИЛ
ВЕНИАМИНОВИЧ

академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН

УШАКОВ
ДМИТРИЙ
ВИКТОРОВИЧ

академик, д. п. н., директор Института психологии РАН

ХАБРИЕВА
ТАЛИЯ
ЯРУЛЛОВНА

академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России

ЧЕРЕШНЕВ
ВАЛЕРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ

академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН

ЧЕРНЫШ
МИХАИЛ
ФЕДОРОВИЧ

чл.-корр., д. социол. н., директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

ЧЕХОНИН
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ

академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова

ШАБУНОВА
АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА

д. э. н., директор Вологодского науч-
ного центра РАН

ЭКМАЛЯН
АШОТ
МАМИКОНОВИЧ

д. филос. н., профессор

ЮРЕВИЧ
АНДРЕЙ
ВЛАДИСЛАВОВИЧ

чл.-корр., д. п. н., заместитель дирек-
тора по научной работе Института
психологии РАН

СПРАВКА

- о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- о **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**,
- о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимают и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на некоторое время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено 135 «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более человек, принимали участие в режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 10 лет состоялась 91 дискуссия.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте argb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.

акад. РАН

Приветствую всех участников нашего совместного заседания Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института Доверия, Достоинства и Права, которое проходит на площадке Ассоциации российских банков.

На заседание зарегистрировалось 230 человек:

– 50 представителей науки и вузов, в том числе 15 членов РАН;

– банкиры, государственные и общественные деятели, эксперты.

206 человек присутствуют в Zoom, 24 человека – очно.

Проинформирую о сборниках.

Выпущен сборник об итогах 2022-го и ожиданиях от 2023 года¹.

Сейчас в типографии находятся сборники по итогам 2023 и 2024 годов.

Среди недавно изданных сборников:

– «Цивилизация. Что это?»²;

– «Банки Китая: стратегия развития»³;

¹ 2023-й – итоги. 2024-й – перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.

² Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025.

³ Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. Академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.

– «Денежно-кредитная политика. Монетизация экономики»⁴;

– «Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция)»⁵;

– «Институт финансового омбудсмана, его роль в развитии общества»⁶.

Скоро выйдет сборник «БРИКС. Платежные системы»⁷.

Издан новый каталог, в нем уже 39 работ.

Участники, присутствующие очно, могут получить печатную версию.

Сборники доступны и в электронном виде.

Тема нашего заседания – «Роль институтов в развитии общества».

Отчасти эта тема спровоцирована недавним присуждением Нобелевской премии по экономике.

Думаю, с работами нобелевских лауреатов вы знакомы.

Среди них основная:

«Почему страны терпят неудачу: происхождение власти, процветания и нищеты» или «Почему одни страны богатые, а другие бедные».

Эта книга издана несколько лет назад.

⁴ [Денежно-кредитная политика и монетизация экономики \(13.05.2023, 11.05.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.](#)

⁵ [Мозговая активность в пожилом возрасте \(паркинсон, альцгеймер, деменция\) \(06.04.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.](#)

⁶ [Институт финансового омбудсмана, его роль в развитии общества \(25.11.2023\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.](#)

⁷ [БРИКС. Платежные системы \(20.04.2024\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024.](#)

Почему я говорю «отчасти»?

Во-первых, тема влияния социальных, общественных институтов на развитие общества нас волнует давно.

Во-вторых, в той или иной форме мы ее обсуждаем.

Наш междисциплинарный совет старается глубоко затронуть проблемы институтов и их влияние на общество.

Мы углубляемся не столько в экономику, право, какие-то отдельные информационные проблемы.

Мы всегда стараемся проанализировать их с точки зрения глобального влияния на общество.

Тем не менее отчасти выбор темы спровоцирован этой Нобелевской премией.

Ее получили три американских профессора: Дэрон Аджемоглу, Джеймс Робинсон и Саймон Джонсон.

За исследование того, «как формируются институты и влияют на процветание...»

Основные тезисы исследования могут показаться слишком общими и очевидными.

Они были сформулированы следующим образом:

— **«Развитие общественных институтов во многом определяет уровень благосостояния граждан в конкретной стране».**

Многие пытаются оппонировать этому тезису.

Лично я его абсолютно разделяю.

— **«Страны, в которых закон слаб, а общественные институты эксплуатируют население, не генерируют экономического роста или изменений к лучшему».**

Третий тезис.

– Постулируется прямая зависимость между развитием институтов и благосостоянием граждан.

И именно это обуславливает неравенство стран в экономическом развитии.

Под этими тезисами я также готов подписаться.

На наших заседаниях мы периодически обращаемся к проблеме неравенства.

И к проблемам глобального мирового неравенства, и к проблемам неравенства внутри страны.

В частности, такое заседание мы проводили в июне 2023 года.

Было пять докладчиков.

Главный доклад делал академик Абел Гезевич Аган-бегян.

По итогам выпущен печатный сборник «Социальное неравенство»⁸.

Вряд ли можно создать абсолютно идеальное общество равных людей.

Неравенство и расслоение в обществе отчасти неизбежны.

Всегда есть разница:

- в стартовых условиях,
- в возможностях,
- в генетически заданных способностях,
- в доходах людей, в том числе накопленных предыдущими поколениями в генетике,
- и в других субъективных показателях.

⁸ [Социальное неравенство \(10.06.2023\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.](#)

Но когда неравенство достигает критических масштабов, мы получаем:

— с одной стороны, чрезмерную концентрацию богатства в одних руках,

— с другой — вопиющий уровень бедности в широких слоях.

И это очень серьезная проблема не только с точки зрения морально-этической, но и с точки зрения негативных последствий для общества.

Потому что возникают риски для устойчивости всей системы. Возникают риски различных социальных катаклизмов.

Есть две категории мыслящих людей.

Одни относятся к этому спокойно.

Некоторые из них считают себя новоявленной элитой.

Они сами наделили себя правом смотреть на других свысока.

Даже присваивают себе сейчас дворянские титулы. И очень гордятся этим. Видимо, страсть Леонида Брежнева награждать себя звездами и орденами передалась по наследству части современной элиты.

Другие считают, что это не только несправедливо, но и недальновидно.

Может, от природы ты умнее, красивее, гениальнее.

Может быть, у тебя такое окружение, такое положение, такое воспитание, что ты оказался в определенной элитной среде.

Но это не означает, что на остальную часть общества надо смотреть свысока.

Это всего лишь надо воспринимать как некий аванс, выданный тебе Богом для того, чтобы ты эффективно использовал предоставленные возможности во благо общества.

Здесь не только морально-этическая сторона такого восприятия данных тебе преимуществ, но есть и прагматическая составляющая.

При такой жизненной философии, при таком стиле поведения общество не будет к тебе враждебно.

Будет меньше рисков, что оно в какой-то момент возненавидит тебя и постарается уничтожить.

Такие примеры мы знаем из истории и из сегодняшней действительности.

Такая философия, мне кажется, гораздо более разумна и приемлема для действительно думающих людей.

Потому что недопонимание этих рисков потом очень серьезно может отразиться на детях и внуках.

За чертой бедности находится 8,5% нашего населения.

Это официальные данные Росстата.

Как в этом случае можно говорить о социальной справедливости, гармоничном развитии и конкурентоспособности страны?!

Говорить, наверное, можно.

Но с серьезными оговорками.

8,5 – это значительный процент.

Для нашей экономики это является серьезным фактором, сдерживающим развитие.

Еще одна серьезная проблема неравенства для глобальной политики – колоссальные различия в уровне жизни между регионами мира и регионами отдельно взятой страны, в том числе и нашей.

Мир развивается, человечество прогрессирует.

Но гармонично ли это происходит?

Приведу пример.

ВВП на душу населения в развитых странах примерно в 50 раз выше, чем в самых бедных.

Такой разрыв относительно постоянен на протяжении многих десятилетий.

Конечно, к этому можно относиться по-разному.

ВВП – не абсолютное мерило.

Важны и другие параметры:

- инфляция,
- безработица,
- условия и стоимость жизни в целом,
- география, природные ресурсы.

Причем, в отличие от общественных институтов, природные богатства не создашь.

Это тоже в некотором смысле очень объективные показатели.

Природные ресурсы уже предопределяют неравенство стран.

И с этим трудно спорить.

Вопрос в том, как разные государства пользуются своими преимуществами и какую роль в этом играют институты.

Потому что одни страны могут обладать ресурсами и при этом использовать их неэффективно или малоэффективно.

Другие страны могут даже свои недостатки превращать в достоинства.

Нет нефти и газа?

Будут успешно развивать несырьевую экономику.

Будут делать приоритетом информационные технологии.

Могут развивать оффшорные зоны.

И есть такие микространы, которые по многим параметрам опережают гигантские страны.

Перечислю богатейшие страны по запасам природных ресурсов:

– Россия – запасы оцениваются примерно в 75 трлн долл.,

– США – 45 трлн долл.,

– Саудовская Аравия – 34,5 трлн долл.,

– Канада – 33,5 трлн долл.,

– Иран – 27,3 трлн долл.

Казалось бы, именно эти страны должны иметь огромный экономический задел и ярко выделяться на мировой «карте успеха».

Однако на деле это не всегда так.

И очевидно, что их изначальное богатство совсем не предопределяет успешное развитие экономики и благосостояние населения.

Мы, конечно, будем делать акцент на нашей стране.

Россия занимает ведущие позиции в мире по запасам нефти, газа, угля, леса, редкоземельных металлов.

При этом по уровню жизни мы отстаем.

Наверное, многие могут возразить.

Все-таки уровень жизни в нашей стране растет.

И его вполне можно сопоставить с ведущими экономиками.

Да, можно.

Это очень здорово.

Но социальное неравенство внутри России растет еще быстрее, и очень важно учитывать неравенство внутри России, социальное расслоение!

На упомянутом мной заседании нашего совета по неравенству социологи озвучили данные.

Свыше 90% опрошенных считают, что государственные доходы и общественные богатства распределяются несправедливо.

Но это социальная оценка.

Примерно 50% населения будут всегда считать, что это несправедливо.

Ситуация у нас в стране очень разная:

- и в разных отраслях экономики,
- и от региона к региону,
- и внутри субъектов: даже в пределах Москвы положение дел крайне неоднородное.

Россия — огромная страна, первая в мире по территории.

И это накладывает свой отпечаток и ответственность в экономике и управлении.

Если нам Бог даровал такие богатства и возможности, мы должны их максимально эффективно использовать.

Но эффективность возможна при максимальной мотивации и вовлеченности граждан в экономическое развитие страны. А это достигается множеством разных институтов управления, обеспечивающих такое «вовлечение».

Что касается развития общественных институтов.

В течение большей части XX века после 1917 года, к сожалению, мы игнорировали прогрессивный опыт управления экономикой и государством.

Или использовали его весьма своеобразным лицемерным образом, декларируя высокие ценности, а на практике цинично подменяя их интересами партийно-административной верхушки.

Не буду перечислять и напоминать все трагедии, которые мы пережили в XX веке.

Видимо, нам нужно еще какое-то время, чтобы осознать, что для развития общества и повышения уровня жизни наших граждан необходимы реально действующие общественные и политические институты.

Хотелось бы, чтобы это понимание пришло как можно раньше.

Поэтому поставим вопрос для дискуссии.

Однозначно ли развитые институты приводят к процветанию государства?

Или, возможно, дело в том, что одни государства могут себе позволить создавать и развивать институты на благо своего населения?

А другие государства — нет. В силу того, что само государство, а главное — его население не созрело до понимания такой необходимости.

Они — государство и большинство его граждан — имеют иные цели, более высокие, на их взгляд.

Допустим, воспитывать весь остальной мир, идти своим путем, потом разваливаться, потом перестраиваться, потом опять идти своим путем, воспитывая весь мир, и так далее по историческому кругу.

Мы часто говорим на эзоповом языке.

Мы вообще за последние сто лет привыкли говорить на эзоповом языке.

Я тоже его отчасти использую.

Очень жаль, что нам приходится это делать. Это унижает достоинство уважающих себя людей.

Но вернемся обратно к институтам.

Что первично — институты или экономический рост?

Можно посмотреть на тот же Китай.

Они строятся такими темпами, что каждый, кто там пять лет не бывал, пребывает в удивлении и в восхищении.

Я Китай наблюдал глазами моих родителей в 1976–1978 годах, потом в 1980–1983 годах, когда они там работали.

Потом, когда я приехал в Китай впервые в 1989 году и позже, я тоже был в недоумении, такие там происходили преобразования!

При этом вряд ли Китай причислен к авангарду развития современных демократических институтов.

Во всяком случае в западном понимании тех же американских профессоров, получивших Нобелевскую премию, нет, отнюдь.

Однако китайцы дадут фору многим демократиям по уровню высокотехнологического развития, в целом по экономическим достижениям.

Они ставят цели и достигают их.

Нет, не «Построим коммунизм к 80-му году!», как декларировалось в СССР, а конкретные экономические и социальные задачи. По развитию инфраструктуры, по развитию регионов, по повышению уровня жизни населения и сокращению бедности, по технологическому и информационному развитию.

«Догнать и обогнать Америку!» – лозунг Советского Союза – они реализуют по факту!

Кстати, по уровню жизни они уже добились феноменальных результатов, что очень важно.

Интересно, как это соотносится с выводами лауреатов премии?

Отвлекусь на минуту и поделюсь личной неприятностью: две недели назад я сильно сломал руку в плечевом суставе, что особенно неприятно. В прошедший понедельник мне оперировали руку.

И хотя в среду я уже был на работе, а сегодня, в субботу, я с вами, но перелом заставил в очередной раз – и в очень острой форме ощутить, что называется, вживую на своей шкуре, что любая проблема, возникшая в одной части организма, неизбежно отражается на всем организме.

Я раньше не предполагал, что перелом руки может доставить такой огромный перечень проблем и бытового дискомфорта.

Правда, особая забота моей супруги, а также мои помощники минимизировали эти проблемы, но я лишний раз убедился, насколько важно, чтобы каждая клетка в единой системе, будь то семья, будь то коллектив, будь то общество, будь то человечество, как единый живой организм, понимала эту глубочайшую взаимозависимость.

Мы сегодня не будем заикливаться только на нобелевском исследовании.

Тем более у наших докладчиков есть свои представления о роли институтов в развитии экономики и общества.

Кстати, Александр Александрович Аузан написал на эту тему статью безотносительно к лауреатам.

В первую очередь нас интересует точка зрения нашего выдающегося экономиста.

Но и лауреаты тоже не последнее место занимают в нашем представлении об этом предмете.

Сегодняшние спикеры уже принимали участие в наших заседаниях и даже выступали в роли содокладчиков по теме конкуренции и коллаборации.

Имею в виду заседание в январе 2023 года «Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество».

Оно было инициировано академиком Полтеровичем Виктором Мееровичем.

Выпущен печатный сборник материалов этого заседания⁹.

Перейдем к повестке.

Итак, первый доклад.

«Трансформация институтов: соотношение политики, культуры и экономики».

Докладчик – Аузан Александр Александрович, профессор, доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной институциональной экономики, декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Совета национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика».

Второй доклад.

«Россия: как стать “развитой экономикой”, опираясь на несовершенные институты. Оценивая нобелевских лауреатов – 2024».

Докладчик – Миркин Яков Моисеевич, профессор, доктор экономических наук.

Академик Полтерович Виктор Меерович выступит с сообщением.

Слово для доклада предоставляется Александру Александровичу Аузану.

⁹ [Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество \(21.01.2023\) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023.](#)

ДОКЛАД 1

АУЗАН А.А.

д. э. н., проф., заведующий кафедрой «Прикладная институциональная экономика», декан экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ: СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ, КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ

Аузан А.А.: Спасибо, Гарегин Ашотович.

Уважаемые коллеги!

Я имел возможность дискутировать с Дароном Аджемоглу.

Это было в 2016 году во время Астанинского форума.

Организовал закрытый диспут глава Национального банка Республики Казахстан Кайрат Келимбетов.

Он в свое время защищал докторскую у нас на факультете.

Поэтому для меня основные положения нобелевских лауреатов уже восемь лет как не новы.

Тосунян Г.А.: Кажется, Аджемоглу – армянин турецкого происхождения...

Аузан А.А.: Наполовину турок, наполовину армянин.

Это создает проблемы с преподаванием в нашем Бакинском филиале МГУ.

Его все время вычеркивают из методичек.

Притом что фамилия у него правильная, а происхождение – нет.

Сначала скажу о том, за что дана Нобелевская премия.

В порядке критического анализа изложу научную историю вопроса.

Коснусь также вопроса институциональной трансформации в России.

Нас, наверное, это волнует не меньше, чем Нобелевская премия Аджемоглу, Робинсона и Джонсона.

Мои уважаемые молодые коллеги по факультету, Владимир Иванов и Александр Мальцев, подготовили презентацию прямо в неделю присуждения.

Для того чтобы рассказать факультету и студентам, за что присуждена Нобелевская премия по институциональной экономике.

Характеристика, которую дал Нобелевский комитет:

- Оригинальное решение проблемы эндогенности в вопросе о фундаментальных факторах развития.

Речь идет о математической методологии, которую использовали Аджемоглу, Робинсон и Джонсон.

- Концептуальное объяснение устойчивости неэффективных институтов.

- Объяснение взаимосвязи между политическими и экономическими институтами.

Фактически что они доказали?

Просто говоря, они открыли два вида институтов.

Один назвали – «экстрактивные институты».

Это институты, направленные на эффективное выдвигание ренты и имеющие короткие положительные эффекты.

Но имеющие плохие длинные эффекты.

Другие назвали – «инклюзивные институты».

Это институты, которые дают длинные положительные экономические эффекты.

И они основаны на открытости.

По существу, единственным признаком эффективных институтов является открытый доступ к ресурсам, возможность конкурентного доступа к ресурсам.

В чем, собственно, спор?

Есть схема самих авторов о взаимосвязи экономических и политических институтов (Рис. 1).

Их много критиковали.

И в диспуте с Дароном Аджемоглу я прежде всего касался этого.

Идея состоит в следующем.

Вход в экономическое развитие идет через демократию.

Если нет демократии, то хорошие экономические институты хиреют.

А если есть открытые политические институты, то будут и открытые экономические.

Взаимосвязь экономических и политических институтов

		Economic Institutions	
		Inclusive	Extractive
Political Institutions	Inclusive		
	Extractive		

Рис. 1

У Дарона Аджемоглу есть прекрасная книга.

Она называется «Почему одни страны богатые, а другие бедные».

И я сказал профессору, что Германия не умещается в его теоретическую схему.

Веймарская республика была демократической республикой.

Это были открытые политические институты.

Но оттуда не возникло экономического процветания.

А возник нацистский режим.

После некоторого молчания он стал говорить:

«Но ведь гражданское общество при этом развивалось».

Сослался на статью Алесиной про рост числа ассоциаций в германских землях.

Я возразил: «В той же статье говорится о следующем.

Чем больше было этих ассоциаций, тем с большей вероятностью голосовали за НСДАП на выборах».

Он ответил:

«Так надо учитывать фактор культуры».

«Именно, дорогой профессор, – подчеркнул я. – А Вы пишете, что его учитывать не надо».

О чем я скажу дальше?

Я покажу путь к открытию, которое действительно совершили Аджемоглу, Робинсон и Джонсон.

Но при этом я буду спорить.

Прежде всего – с положениями о решающей роли только политики в достижении такого результата.

Вот основа последующих открытий.

В начале 90-х годов Ангус Мэддисон, британский статистик, сделал работу.

Уже тогда я был молодым доктором наук.

Я не завистливый, но в данном случае я позавидовал.

Потому что он догадался сделать простую вещь.

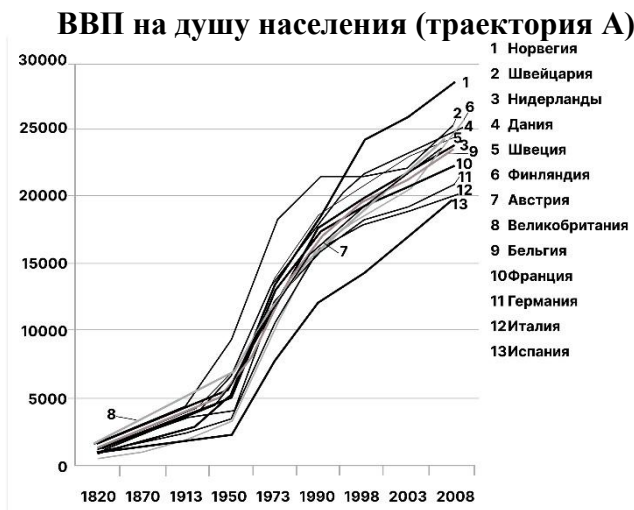

Рис. 2

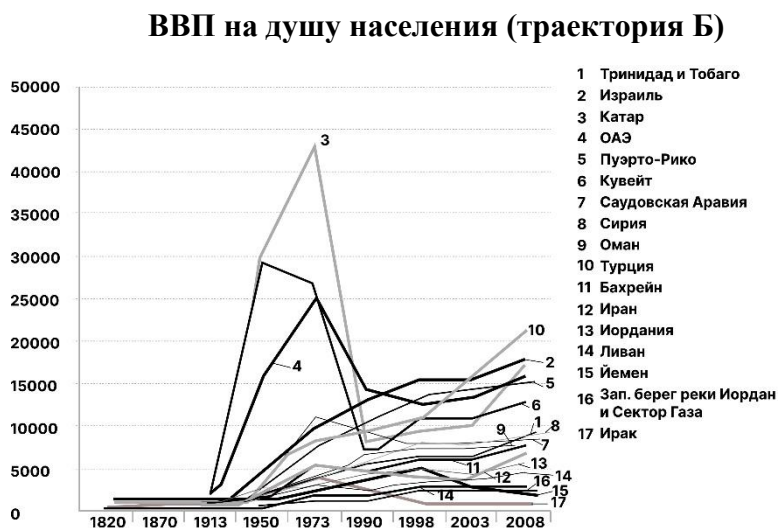

Рис. 3

Экономисты все время смотрели на годовую, пятилетнюю, десятилетнюю статистику.

А он посмотрел на статистические ряды за все время существования статистики.

Он построил таблицы мирового развития по статистике с 1820 по 2008 год.

(В 2010 году Ангус Мэддисон умер в возрасте 83 лет).

Эти ряды достраиваются.

Я анализирую последнюю авторскую версию (Рис. 2, 3).

Оказалось, есть две скорости развития, подобные космическим.

30 стран идут с небольшой годовой скоростью, но с высокой многолетней скоростью.

И 170 стран идут с разными годовыми скоростями, но в итоге многолетняя скорость у них маленькая.

Почему?

Потому что у одних есть институты, которые амортизируют падение.

Главная особенность второй космической скорости не в том, что они быстро растут.

А в том, что они не падают глубоко.

А при первой космической скорости – да, они развиваются.

Но они развиваются по траектории «вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз».

Возникает естественный вопрос.

Если есть институты, которые дают такой устойчивый результат, то всем хотелось бы перейти на такие институты.

Что же 170 стран на них не переходят?

В чем трудность перехода?

Для начала вспомним, откуда это взялось.

Это Нобелевская премия 1993 года американского институционалиста Дугласа Норта.

Он провел изумительный анализ и получил Нобелевскую премию за создание теории институциональных изменений.

Он взял для анализа Англию и Испанию с XVI по XIX век.

Они были примерно в одинаковых стартовых условиях.

Обе страны создавали мировые империи.

Шла борьба королей и парламента, начали создаваться мануфактуры.

В XIX веке Англия без всяких оговорок – первая страна мира.

Мировая промышленная и научная мастерская.

Центр империи, над которой никогда не заходит солнце.

Испания – одна из отсталых стран Европы.

Что произошло?

Ошибка институционального выбора.

В Англии в какой-то момент налоги попали в руки налогоплательщиков.

Контроль над налоговой системой стал парламентским.

И стало разумным делать инвестиции, потому что конфискации не будет.

Нельзя принять налог без согласия налогоплательщика.

А в Испании налоги остались в руках короля.

И там стало разумным не инвестировать.

Стало разумным тратить, тратить и тратить.

Испания получила активов из колоний больше, чем Англия, но при этом все тратилось.

Поскольку не было условий для инвестиционной культуры.

Интереснее другое.

Испания исправила эту ошибку, но перехода на другую траекторию не произошло.

Почему?

Это видно по другой паре.

Рассмотрим страны Северной и Южной Америки.

Там уже не было этой ошибки институционального выбора.

Там налоги были в руках парламента.

Конституции южноамериканских, так называемых боливарианских, республик были лучше, чем американская конституция.

Они учли Кодекс Наполеона и опыт Французской революции.

Тем не менее Аргентина проиграла конкуренцию США.

Аргентина еще в начале века входила в десятку наиболее развитых стран.

В середине века имела валовый продукт на душу населения такой, как в США.

Но в итоге все проиграно.

Почему?

Норт говорит:

«Культура, институты определяют условия старта.

Потом они отражаются в ценностях и поведенческих установках».

И проблема Южной Америки в том, что она впитала культуру фестиваля, вот эту самую испанскую.

А Северная Америка, имея институты не лучше, чем заявленные южноамериканские институты, получила английскую инвестиционную культуру.

Какой вывод был сделан?

Институты, как и стандарты, определяют выбор траектории.

Эту проблему называют path-dependence problem, проблема «движения в колее», «эффект колеи».

А устойчивой «колеей» ее делает культура.

Поэтому имеет ли значение политика?

Да.

Есть данные Норта и Уоллиса о том, в каком поворотном пункте Англия стала взмывать наверх.

Парадоксальная штука.

После того, как власть была ограничена в условиях так называемой «Славной революции в Англии» в 1688 году, власть разбогатела.

До этого правительственный долг составлял всего один миллион фунтов, причем под очень высокие проценты, под 30% в год.

А стали давать в долг 78 млн фунтов под 3% годовых.
Потому что была обеспечена возвратность.
Возникла устойчивость законов.

Поэтому имеет ли значение политическое устройство?

Да.

В этом Аджемоглу, Робинсон и Джонсон правы.

Противоположный пример.

Нобелевская премия 1993 года.

За возрождение исследований в области экономической истории благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих объяснять экономические и институциональные изменения.

Американский историк Роберт Фогель доказал удивительную вещь.

В наших школьных учебниках значилось, что рабство в США было отменено.

Отменено, потому что оно было экономически неэффективным.

Это не так.

Фогель показал: рабство было эффективнее свободного труда.

В основной массе южных штатов – на 15%.

В штатах Нового Юга – на 35%.

Социальное положение раба было лучше положения нищего свободного работника на Севере.

Этот парадоксальный анализ получил Нобелевскую премию.

Фогель доказал: дело в перевороте ценностей.

В 40-е годы XIX века американское образованное общество придерживалось следующего мнения.

Рабство – это такой протекторат над пока неразвитыми людьми.

Это – временное состояние.

А потом аболиционисты перевернули представление.

У Гарриет Бичер-Стоу есть книга «Хижина дяди Тома».

Книга, которую нынешнее поколение не читает, а наши – еще помнят.

Авраам Линкольн, встретив в свое время Гарриет Бичер-Стоу, сказал:

«Так Вы – та маленькая женщина, которая вызвала такую большую войну?»

Гражданская война в США – самая кровавая война XIX века.

Погибло около миллиона человек.

Первый вывод: политика влияет.

Второй вывод: но и культура влияет.

Культура может приводить к переворотам в институтах не меньше, чем отмена рабства в США.

Не меньше, чем путь к английскому процветанию через установление контроля над налогами со стороны налогоплательщиков.

Почему же страны разошлись по двум типам институтов?

Сначала – под воздействием внешнего шока.

И Аджемоглу, и Робинсон это тоже показывают в своей книге.

Происходит ситуация, когда надо выбирать, что делать.

Таким шоком в начале Нового времени стала «черная смерть» – эпидемия чумы в Европе.

Тогда погибла треть населения.

Это прежде всего горожане, ремесленники, ученые, политики.

И это была катастрофа.

Западная и Восточная Европа разным путем выходили из катастрофы.

В Западной Европе попытались испуганное и разбежавшееся население собрать «пряниками».

Дать им кусочек поля, обещать часть урожая.

Так было и в Восточной Европе, не только на Руси.

А также в румынских княжествах и восточных землях Германии, где земель было больше.

Идея была какая?

Редкого человека силой закрепить за обильным земельным ресурсом.

Это так называемое второе издание крепостничества.

В этом была первоначальная ошибка институционального выбора.

Она вовлекла эти страны в низкую траекторию.

Далее культура закрепила ошибки в определенном наборе ценностей и поведенческих установок.

И возникает резонанс культуры и политического устройства.

Когда пытаются поменять политическое устройство, люди говорят:

«Да, да, да.

**Выборы, выборы.
Мы сейчас царя выберем».**

Когда пытаются просветить население и сдвинуть культуру, власть говорит:

«А вот этого не надо делать».

Этот резонанс и приводит к образованию эффекта «колен».

Этот эффект может быть преодолен.

Но преодолен только длинными комплексными преобразованиями культуры, политических и экономических институтов.

Понимание, что нужны такие преобразования, было обобщено в гипотезе трех крупнейших мыслителей.

Это уже упомянутые нобелевские лауреаты:

- экономист Дуглас Норт,
- историк Джон Уоллис, участвовавший в анализе английского «чуда»,
- один из известных политологов Барри Вайнгаст.

Они написали в 2009 году хулиганскую книгу.

Она называется «Насилие и социальные порядки. Исследование письменной истории человечества».

Почему хулиганскую?

Они задались вопросом.

А почему мы пытаемся объяснить отсталость?

Если у нас 170 стран отсталые, а 30 – развитые...

Объяснять надо, как им удалось развиваться.

Как они забрались на вершину.

А что отсталость объяснять?

Отсталость – это норма.

Переход к развитию очень сложен.
Он занимает примерно 50 лет чистого времени.
Они рассматривали Англию, Францию, США.

Две траектории, которые открыл Мэддисон, – это два разных социальных порядка: открытый и закрытый.

Поэтому то, что Аджемоглу, Робинсон, Джонсон доказали...

Еще до их классической книги было показано в поколении их учителей.

Я, кстати, спросил Дарона:
«Почему в Вашей книге нет ссылок на Норта, Уоллиса, Вайнгаста?»

Он удивился: «Как нет?»

Я попросил показать.

Он листал, листал, так листал, сяк листал.

Потом извинился и, сославшись на отсутствие времени, убежал.

Вот важнейшее открытие.

Оно лежит в основе понимания экстрактивных и инклюзивных институтов.

Оно позволяет понять, где развилка.

Понять, где переключатели с одной траектории на другую.

Норт, Уоллис и Вайнгаст установили, что есть три граничных условия открытого социального порядка.

Порядка, который, говоря нынешним языком, ведет к инклюзивным институтам.

И закрытого, который ведет к экстрактивным институтам.

Первый момент.

В странах ограниченного доступа элиты создают законы для других.

А для себя делают исключение.

В странах, которые пошли по высокой траектории, наоборот.

Пишут для себя, потом распространяют на других.

Аджемоглу показал, что в Англии этот процесс занял 800 лет.

Процесс постепенного распространения Хартии вольности на остальных.

Второй момент.

В странах открытого доступа организации деперсонализированы.

Коммерческие, политические, неполитические.

А в остальных странах они персонализированы.

Партии, компании вместе с руководителями и основателями болеют, иногда умирают вместе с ними.

Третий момент.

Элиты всегда контролируют насилие.

Но есть два способа контроля насилия.

Можно поделить инструменты насилия.

Тебе – прокуратуру, мне – следственный комитет.

Тебе – военно-воздушные силы, мне – военноморские.

А можно коллегиально контролировать их.

Приведу пример СССР.

После смерти Сталина, после 1953 года, был коллегиальный контроль над инструментами насилия.

Почему Жуков был устранен вообще?

Устранен не только из политики, но и из общественной жизни.

Чтобы один человек не имел влияния на вооруженные силы.

Политбюро жестко соблюдало правило:

«ЦК не цыкнет – ЧК не чикнет».

И инструменты насилия не использовались как инструменты конкуренции.

Вот эти три условия.

Это граничные условия социальных порядков.

Они касаются и политики, и культуры, и устройства экономических институтов.

Промежуточные институты на примере Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Тайваня, Японии

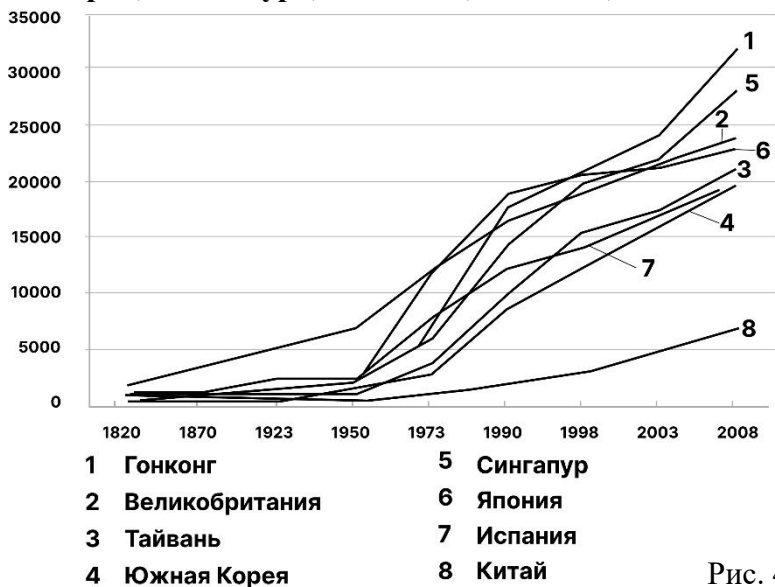

Рис. 4

Где решение проблемы?
Есть пять стран, которые перешли с одной траектории на другую.
Они решили проблему.
Мы их знаем.
Это восточноазиатские модернизации.
Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань (Рис. 4).

Кстати, про Китайскую Народную Республику.
По данным Мэддисона за 2008 год, у Китая значительные результаты.
Валовый продукт на душу населения у них пока на 25% ниже, чем у России.
Мы, конечно, впечатляемся.
По сравнению с 1970-ми годами там действительно многое разительным образом изменилось.
Но пока 50 лет чистого времени еще не прошли.

Тосунян Г.А.: Эффект миллиарда не так легко преодолеть.

Аузан А.А.: Конечно.
Поэтому выходить на эффективные институты необходимо все-таки с учетом воздействия на культуру, экономику и политику.

Считаю, что это – вопрос институционального способа перехода.

Ответ на это дал Виктор Меерович Полтерович своими промежуточными институтами.

Дэни Родрик, американец турецкого происхождения, писал об этом позже Полтеровича.

А китайский экономист Цянь Инъи писал тогда же, когда и Полтерович.

Но он писал об институтах Китая, а Виктор Меерович показал это на международных примерах.

Что такое промежуточные институты?

Когда вам надо двигаться вперед, не обязательно сносить все кругом.

Вы просто убираете секцию забора.

Секцию, которая мешает вам двигаться.

Чтобы продвинуться еще на один шаг, вы используете то, что имеете.

Используете традиционные ценности, авторитарный режим.

Потом опять перестраиваете под себя.

Это длинная история лестницы промежуточных институтов.

Теперь про Россию.

Поскольку второй доклад как раз об этом.

Как при несовершенных институтах в России выходить в развитое состояние?

Позвольте изложить мою точку зрения.

Попробую дать такой мостик уважаемому докладчику.

Модель Солоу.

Это инструмент, который экономисты используют для измерения экономического роста.

Используют уже 70 лет.

Как только мы эту «одежду» примеряем к себе...

Мы понимаем.

Классический набор параметров как-то нам не по размеру.

Вклад капитала в экономический рост.
Мы не имеем доступа к мировым рынкам капитала.

Вклад труда в экономический рост.
У нас дефицит на рынке труда.
И он устойчив, он надолго.

Технологический прогресс.
У нас нет доступа к критическим технологиям.
И Китай не дал нам этого доступа.

**Хорошо сказал на узкой встрече с экономистами
Михаил Владимирович Мишустин.**

Китай не даст нам упасть. И не даст подняться.

Поэтому интересен «остаток Солоу».
Факторы, которые не входили в классическую формулу.

Но они объясняют рост, который не охвачен классическими параметрами.

Это качество человеческого капитала.

Это институты.

И это неформальные институты культуры, ценности и поведенческие установки.

Я говорил об этом уже несколько лет назад здесь.

Просто напомню.

«Лицом к лицу лица не увидать.

Большое видится на расстоянии».

Два известных французских ученых (я думаю, тоже косвенные претенденты на Нобелевскую премию), Ян Алган и Пьер Каю, в исследовании 2010 года, очень большом, сложном, показали...

Самым сильным из культурных факторов, действующих на экономический рост, является обобщенное доверие.

То есть социологический положительный ответ на вопрос:

«Можно ли доверять большинству людей?»

Если бы в соответствующих странах уровень доверия был, например, как в Швеции...

Там 63% положительных ответов на вопрос о доверии большинству.

Тогда валовый продукт на душу населения был бы больше (Рис. 5):

- в Англии – на 5%,
- в Германии – на 7%,
- в Чехии – почти на 30%,
- в России – на 69%.

В 2018 году шел спор макроэкономистов.

Тогда в президентском послании 2018 года прозвучала цифра.

В 1,5 раза поднять к 2025 году валовый продукт на душу населения в России.

Макроэкономисты пришли к выводу: это невозможно.

И эта цифра исчезла.

**Прирост ВВП на душу населения
при уровне доверия, как в Швеции**

Источник: Algan, Cahuc, 2010

Рис. 5

Я – не институциональный экономист.

**Когда макроэкономисты закончили обсуждение,
я сказал:**

«В 1,5 раза – нельзя, а в 1,7 раза – можно».

Но тогда нам надо понять.

Почему у нас такой заниженный уровень доверия?

Мы его интерпретируем по-другому.

Мы объясняем это как сверхвысокий уровень тран-
закционных издержек.

Что такое сделка в России?

«Ребята, давайте еще один due dill¹⁰ сделаем.

И вот того лысого юриста найдем.

¹⁰ Процедура составления объективного представления об объекте инвестирования, включающая в себя оценку инвестиционных рисков, независимую оценку объекта инвестирования, всестороннее исследование деятельности компании, комплексную проверку ее финансового состояния и положения на рынке.

И взятку, все-таки надо дать взятку.

И давайте еще пару месяцев подождем – чуем, кинут они нас...»

Все вместе – это и есть подушка транзакционных издержек.

Она обратна выражению низкого доверия.

По уровню доверия рядом с Россией в исследовании Алгана и Каю, – Мексика.

Турция оказывается в таком же положении.

В 1996 году Сэмюэл Хантингтон, замечательный социолог, политолог институциональной школы, высказал следующее предположение.

Есть страны с двумя культурными ядрами.

Это Россия, Мексика, Турция.

Эти страны отстаивали свой суверенитет при агрессии молодого Запада.

Отстаивали, перехватив западные технологии:

- промышленные,
- управленческие,
- военные,
- культурные.

В итоге у них образовалось два ядра.

Да, действительно, в России это так.

За последние 7–8 лет мы провели исследования.

Сначала – с Российской венчурной компанией.

Мы исследовали 26 университетов и через них – другие регионы.

Наконец в 2024 году мы поставили точку в этом вопросе.

Со «Сбером» на их материале сделали исследование по 82 точкам.

Это очень большое исследование.

Оно показало, что в России два культурных ядра (Рис. 6).

Есть И-Россия.

**Это мегаполисы, Урал, Сибирь, Дальний Восток.
25% населения, 75% валового продукта.**

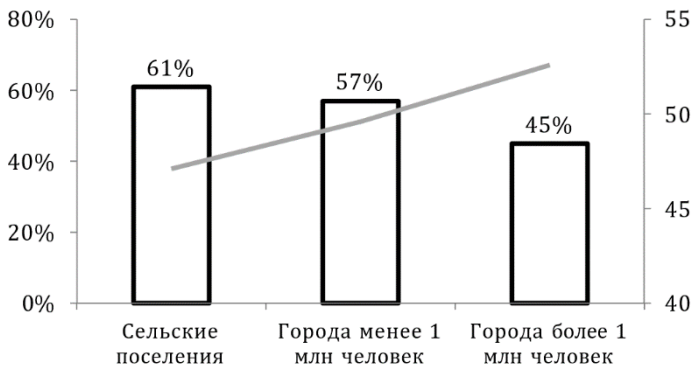
И есть К-Россия – вся остальная страна.

75% населения, 25% валового продукта.

Различия И-России и К-России понятны.

Есть определения социологические.

Индивидуализм и «культура неудач» в зависимости от размера города

☐ Не стоит начинать собственный бизнес, если есть риск провала (согласен и полностью согласен)

— Уровень индивидуализма

Источник: РВК, ИНП, 2018

Рис. 6

Но лучше всех, на мой взгляд, сказал мне в свое время Даниил Александрович Гранин, замечательный советский и российский писатель.

«Саша, в России можно сделать очень много, если не спрашивать разрешения».

Индивидуалисты – это люди, которые действуют, не спрашивая разрешения.

Коллективисты спрашивают у семьи, у начальника, у этого человека.

У них есть другое преимущество.

Оно называется, по словам Юрия Лотмана, архетип создания себя.

Готовность себя вложить в дело, в проект, в регион, в фирму.

И то и другое производительно.

Но мы имеем эту двухголовую структуру – И-Россию и К-Россию.

Мы имеем структуру с двумя возможными линиями модернизации.

Это два мотора, которые гасят друг друга.

Фактически что делает власть?

Она маневрирует.

Потому что К-Россия – это электоральная база.

Она обеспечивает стабильность.

А если надо куда-то двигаться, то тогда И-Россия.

Можно ли добраться до скрытых источников экономического роста в 1,7 раза?

Хочу напомнить то, о чем уже сказал Гарегин Ашотович.

Это из доклада Виктора Мееровича Полтеровича на вашем уважаемом семинаре.

Виктор Меерович описывал коллаборативные институты.

Я комментировал премию Аджемоглу, Робинсона и Джонсона на РБК.

На вопрос, кому бы я дал Нобелевскую премию, я ответил:

«Я бы – Виктору Мееровичу Полтеровичу».

Потому что человек открыл институциональные ловушки.

Их называют «ловушки Полтеровича».

Он открыл их в 1990-е годы.

Промежуточные институты – в 2000-е годы.

А сейчас разрабатывает тему коллаборативных институтов.

То есть тех институтов, которые в семи странах дают устойчивые положительные эффекты и высокий уровень доверия.

Соответственно, высокий коэффициент человеческого капитала, человеческого потенциала.

Низкий уровень коррупции.

И так далее, и так далее.

Фактически, для И-России и К-России и то и другое привлекательно.

Что-то – для обеих сторон, что-то – для одной.

Индекс демократии важен для И-России.

Индекс Джини¹¹, социальной справедливости, важен для К-России.

Можно ли перейти к этой ситуации?

¹¹ Статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку.

Виктор Меерович, сравнивая эту так называемую «счастливую семерку» с другими странами, пришел к выводу.

Речь идет о скоординированной рыночной экономике, а не о свободной рыночной экономике.

Речь идет о капитализме стейкхолдеров, а не о капитализме акционеров.

Речь идет о консенсусной демократии, а не о мажоритарной.

Разделяя эти идеи, я стал предлагать их к обсуждению.

К примеру, это было сделано на стратегической сессии совета директоров Банка России.

Я понимал, что меня спросят про набор институтов.

Поэтому я постарался расписать то, что следовало из идей Виктора Мееровича Полтеровича.

Не буду все комментировать.

Скажу очевидную вещь.

Две России (И-Россия, К-Россия) хотят разного.

Одни хотят:

- модернизации,
- демократизации,
- свободы предпринимательства.

Другие:

- государственного участия,
- налогового перераспределения.

А почему нельзя реализовать и то и другое?

Можно.

Мы – Федерация.

Мы – единственная из крупных стран, которая не реализует возможность региональной автономии.

Китай, который формально не является федерацией, имеет глубокую автономию регионов.

Индия – с ее штатами.

Германия – с ее землями.

Соединенные Штаты, где цивилизационные границы между штатами.

Тут можно легкие наркотики продавать, а тут – нет.

Тут гомосексуальный брак разрешен, здесь – нет.

Это практически цивилизационные границы.

Ничего, страна живет – в напряжении, но живет.

Поэтому я бы сказал так.

Видится некоторый набор институтов.

Но главное, это осуществимо, только если мы понимаем.

Институциональные преобразования требуют не только политических и экономических, но и культурных мер.

Нужна трансформация культуры.

На мой взгляд, это то, что мы называли 3D-культура.

В рамках экосистемы «Сбера» мы сейчас пытаемся сделать сдвиг в эту сторону.

«Сбер» – это все-таки очень большая система.

Здесь можно попробовать кое-какие вещи:

– долгосрочный взгляд;

– доверие большинства людей;

– договороспособность.

Не знаю, убедил ли я вас в том, что это надо делать.

Но Минфин и Центральный банк отчасти убедил.

В октябре 2023 года по их предложению Правительство приняло стратегию развития уже финансовой культуры, а не финансовой грамотности.

Андрей Белоусов как первый вице-премьер тогда это поддержал.

Сказал, что финансовая грамотность – это про социальную защиту.

А финансовая культура – это про экономическое развитие.

Потому что переход к инвестиционной культуре – это, конечно, вопрос.

23 декабря 2024 года на заседании межведомственной комиссии с Набиуллиной и Силуановым состоялось обсуждение.

Речь шла о том, как мы будем оценивать достижения долгосрочных горизонтов и доверия.

Правда, третий момент, договороспособность, они не взяли.

А включили – ответственность.

Фактически это установка на индивидуализм.

На мои возражения, что это не подходит, так как в стране два ядра, они оппонируют:

«Вы сами отмечали, что связь индивидуализма и экономического роста доказана.

А связь коллективизма и экономического роста не доказана.

Поэтому мы нажимаем на эту педаль».

Спасибо, уважаемые друзья.

Готов отвечать на вопросы.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Блестящий доклад.

Единственное, что финансовая культура и финансовая грамотность – это две совершенно разные темы.

Аузан А.А.: Абсолютно.

Тосунян Г.А.: Одно другое не исключает.

Аузан А.А.: Не исключает, да.

Тосунян Г.А.: Коллеги, перейдем к вопросам.

Профессор Сухарев из Института экономики РАН.

Пожалуйста, Олег Сергеевич.

д. э. н. СУХАРЕВ О.С. – проф. АУЗАН А.А.

СУХАРЕВ О.С.

д. э. н., главный научный сотрудник Института экономики РАН

Сухарев О.С.: Доброе утро, уважаемые коллеги!
Во-первых, я хотел бы поблагодарить Александра Александровича за доклад.

Хочу также разделить определенный скепсис в отношении западных результатов.

Всецело разделяю такую методологию.

У меня два вопроса.

Один – по модели Солоу.

Александр Александрович сказал о капитале.

О капитале, который как будто не вкладывается.

Сказал о вкладе труда.

А у нас дефицит труда.

Меня это как-то немного озадачило.

Следует ли из сказанного А.А. Аузаном, что у нас капитал и труд не вкладываются в обеспечение роста?

Что имелось в виду?

Я просил бы конкретизировать.

Второй вопрос.

О трансформации культуры как определенном выходе для развития России, с позиции докладчика.

Но трансформация культуры – это очень длительный процесс.

Причем с весьма непредсказуемыми результатами.

Если вспомнить институциональный цикл древнекитайского философа Сыма Цяня.

Он выделяет три стадии общественного развития, сменяющие друг друга: «чжун», «цзинь» и «вэнь».

При переходе от каждой фазы к следующей изменяются «институциональные комплексы», система правил и отношение к ней.

Культура («вэнь») приводит к фальши.

С фальшью необходимо бороться правдивостью («чжун»), которая приводит к дикости, с которой борется система «цзинь» (почет, уважение), которая приводит к культу личности, с чем борется культура («вэнь»).

Вот такой институциональный цикл.

Как должны работать институты для осуществления такой трансформации?

В чем она состоит?

Индивидуалистические ценности у Вас в докладе называются, по сути, «институтами демократии». А к коллективистской модели относятся «социальные программы», «социальность».

Значит ли это, что институты демократии в определенной мере противоречат и конфликтуют с социальностью?

Как понимать эти две модели?

И ставку на культуру?

Тосунян Г.А.: Прошу Вас, Александр Александрович.

Аузан А.А.: Спасибо.

Разумеется, уважаемый коллега, труд и капитал в России участвуют в создании валового продукта.

Как положено по теории факторной производительности.

Я имел в виду другое.

Речь — о возможностях значительного расширения роста.

Мы ограничены в доступе к мировым источникам капитала.

В предыдущие десятилетия российский бизнес привык к дешевым мировым источникам кредитов.

Но это было до Крымского консенсуса и до начала СВО.

Западные рынки в этом смысле действительно организованы как открытые, как инклюзивные институты.

Когда мы стали заходить на китайские, вообще на восточные и на южные рынки ...

Мы обнаружили.

Это сложные закрытые рынки.

Туда нужно пробираться через барьеры.

Вот что я имел в виду.

Касательно преобразования культуры и сроков преобразования.

Совершенно верно.

Я как раз утверждаю.

Я не разделяю выводов Аджемоглу, Робинсона и Джонсона.

Их выводов о том, что стоит завести демократию – и будет экономический рост.

И что это быстрая история.

Сконсолидировалась оппозиция.

Договорились, настояли на проведении более-менее свободных выборов.

Сменили власть, начали менять законы и так далее.

На это уйдет несколько лет, десятилетия.

Нет, я не разделяю этой точки зрения.

Речь идет о гораздо более длинных преобразованиях.

Норт, Уоллис, Вайнгаст – учителя поколения, к которому принадлежим мы с Дароном Аджемоглу.

Они утверждали: переход с одной траектории на другую занимает 50 лет чистого времени.

Одновременное преобразование культуры, экономики и политики – это длинная история.

Могу назвать российский пример такого достаточно успешного преобразования.

Это великие реформы Александра II.

Они продолжались 30 лет.

А экономический эффект дали даже не при Александре III, а при Николае II.

Взрывной рост российской экономики конца XIX – начала XX века.

Это результат реформ, начатых в 50-е годы XIX века.

Это движение такого комплексного трансформирования.

С другой стороны.

Культура в каких-то элементах меняется достаточно быстро.

Скажем, доверие.

Я делал доклад на научно-экспертном совете у председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко.

Она тоже сказала, что преобразовывать культуру – долго.

В Западной Германии было правительство Людвиг Эрхарда.

Они пришли к власти, когда уровень доверия в Германии был самый минимальный.

То есть 88% немцев считали, что большинству людей доверять нельзя.

Уже через 8 лет 60% немцев стали считать: большинству людей доверять можно.

Началось немецкое экономическое чудо.

Сначала подъем доверия, потом – экономическое чудо.

Примерно то же произошло с японским чудом.

Поэтому какие-то вещи в культуре меняются за десятилетия.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Переход к демократии может быть быстрым.

Но это будет чаще всего коррупционная демократия.

Демократия без культурной составляющей.

С культурной составляющей будет не коррупционная, а действительно демократия.

На это потребуется более длительный период.

Хотя он не бесконечен.

Переход при определенных установках можно совершить в короткий период времени.

Сухарев О.С.: Согласен.

Тосунян Г.А.: Тут есть нюансы.

Параметров несколько.

Жан Терентьевич Тощенко, член Академии наук, пожалуйте.

чл.-корр. ТОЩЕНКО Ж.Т. – проф. АУЗАН А.А.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

чл.-корр., д. филос. н., научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета

Тощенко Ж.Т.: Александр Александрович, спасибо за интереснейший доклад.

У Вас есть ряд работ, посвященных общественному договору.

В них Вы оперируете примерно этой же группой проблем.

Как, на Ваш взгляд, связано Ваше выступление с анализом общественного договора в других странах?

Аузан А.А.: Спасибо, Жан Терентьевич, не только за вопрос.

Спасибо и за внимание к моим работам.

Это, конечно, потребовало бы отдельного доклада.

Что такое общественный договор, социальный контракт?

Как это в институциональной теории называется?

Это обмен ожиданий между властью и населением по поводу основных прав собственности и свободы.

Основные права собственности и свободы – это и есть результат институтов.

Институты обеспечивают набор прав собственности и свобод.

Набор прав, которые вытекают из этого взаимного, часто молчаливого согласия по поводу того, что происходит.

Приведу пример из международного опыта.

Этот пример опровергает вторичное положение Аджемоглу, Робинсона и Джонсона.

Их положение о том, что вход в экономическое чудо идет через демократию.

Пример – Сингапур, Китайская Народная Республика.

Там нет демократии.

Это авторитарные режимы.

Причем китайский режим не только авторитарный.

Он уже тоталитарный.

Там очень широкий цифровой контроль.

Экономика построена на открытых институтах.

Экономика высококонкурентна.

По крайней мере, до последних лет в Китайской Народной Республике и в течение ряда десятилетий в Сингапуре.

Как складываются такие, иногда странные, соотношения?

Возьмем нашу страну, динамику социального контракта.

Считаю, что у нас за уже почти 25 лет нового века были два «брака» и два «развода» между властью и народом.

Нулевые годы.

Как фактически был устроен социальный контракт?

Обмен.

Обеспечение роста потребительского хозяйства, очень большого роста.

По 8–10% реальной зарплаты в год.

В обмен на что?

Фактически на отказ от политических прав.

Будет оппозиция в доме или не будет – сами решите.

Выборность губернаторов или невыборность – это не главное.

Главное, чтобы были средства строить квартиры, ездить в Турцию, учить детей, покупать машины.

Это все было до 2011 года.

Потом – раз, и кризис ожиданий.

Мы помним толпы на Манежной.

Потому что не хлебом единым, хочется другого.

Важны и нематериальные ценности.

В 2014 году власть находит свой ответ.

Это все измеримо, например, через соотношение реальных располагаемых доходов и уровня поддержки первого лица.

В 2014 году власть говорит:

«Нематериальные ценности? Пожалуйста.

Сверхдержава устроит?»

Опа! И динамика переворачивается.

Реальные располагаемые доходы начинают падать.

А поддержка – растет.

Это другой социальный контракт.

По-другому устроены права собственности и свободы.

Потому что готовы отдать каждый десятый рубль дохода на ощущение статуса принадлежности к супердержаве.

С 2022 года этот социальный контракт несколько перестроился.

Он изменил экономическую географию.

Профессор Наталья Зубаревич назвала это «экономгеография России периода СВО».

Произошел подъем депрессивных регионов, перераспределение.

Мегаполисы несколько затормозились.

А промышленные регионы поднялись.

Новая часть среднего класса – из людей, работающих в оборонке, и военных контрактников.

Этот социальный контракт можно оценить по некоторым индикаторам.

Он лежит в основе распределения прав собственности и свободы.

Распределения, которое структурируют институты.

То, что происходит на политических рынках...

Это всегда выбор внутри невозможной дилеммы Кейнса.

Кейнс сказал:

«Вы не можете одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность.

Вам придется выбирать».

Что максимизируется?

Если максимизируется свобода – вы делаете либеральное государство.

Если справедливость – делаете социальное государство.

Если эффективность – делаете диктатуру развития.

д. э. н., проф. Аузан А.А.

Этот выбор делается в рамках социального контракта.

Он может меняться.

Идет структуризация институтов и перестройка прав собственности и свободы.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, профессор РАНХиГС Михаил Стефанович Мокий.

д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. АУЗАН А.А.

МОКИЙ М.С.

д. э. н., профессор кафедры национальной экономики
РАНХиГС при Президенте РФ

Мокий М.С.: Александр Александрович, большое спасибо за доклад.

Всегда приятно Вас слушать, множество ярчайших примеров.

У меня два вопроса.

Первый вопрос.

Вы сказали, что переход с одной траектории на другую составляет где-то 50 лет.

Вы привели примеры экономических чудес разного рода.

Как Вы прокомментируете такое экономическое чудо?

1917 год – страна под названием Россия, истощенная Гражданской войной, с сохой, как говорил Уинстон Черчилль.

В 1957 году, через 40 лет, причем страшнейших лет, мы запускаем первый в мире спутник.

В 1987 году было две супердержавы: Соединенные Штаты Америки и СССР.

Это связано каким-то образом с индивидуальностью и И-Россией или К-Россией?

Второй вопрос.

Есть ли какое-то научное обоснование соединения двух этих траекторий: индивидуальной России и коллективной?

Спасибо.

Аузан А.А.: Спасибо большое.

Очень хорошая, жесткая постановка вопросов.

Во-первых, давайте пойдем.

Мы не уникальны.

Посмотрим на самый первый яркий случай перехода с траектории на траекторию в XX веке – на Японию.

Япония в конце XIX века – вообще никому не известная восточная страна.

Но в 1904 году японцы разбивают российский военный флот.

Причем разбивают в военно-техническом сражении.

Европа в шоке.

Откуда взялись эти азиаты?

Во Второй мировой войне Япония была, наверное, единственной страной мира, которая удостоилась сомнительной чести воевать со всем миром.

Война закончилась не 9 мая 1945 года, а 2 сентября.

Что происходило с 9 мая по 2 сентября?

В это время происходила война против Японии.

Весь мир воевал против Японии.

Случилась атомная бомбардировка!

Почему я все это говорю?

Спустя 10–12 лет после атомной бомбардировки – японское экономическое чудо.

Прохождение через очень тяжелые фазы к экономическому результату – это путь некоторых стран.

Они пытались преодолеть эту силу гравитации и уйти с одной траектории на другую.

XX век – это не первый рывок России.

Давайте признаем: при Петре I произошел подъем.

Россия вломилась в круг европейских держав, но потом начала сползать.

Во время большевистской модернизации — снова подъем.

Страна превратилась в одну из двух ведущих в мире. Потом опять сползание.

Это и есть path-dependence problem, открытая, описанная нобелевским лауреатом Дугласом Нортом.

Силы гравитации приводят к такой динамике: головой в потолок — и съезжаешь.

Мы в этой динамике находимся.

В такой же динамике находится Аргентина.

Мой ответ.

Это группа стран, которые пытаются преодолеть гравитацию.

Не все страны пытаются ее преодолеть.

Ряд стран говорит:

«Ну этот экономический рост...

Мы будем жить религиозными ценностями или семейной гармонией, чем-то еще.

Нам happiness index, чтобы у нас удовлетворенность была.

Пусть этим занимаются американцы, китайцы — не мы».

Но наша страна принадлежит к первым.

К странам, которые пытаются перейти с одной траектории на другую.

Про И-Россию и К-Россию.

На мой взгляд, был один-единственный период, когда обе России сработали абсолютно гармонизированно.

Это Великая Отечественная война.

Посмотрите на парадоксальные явления этого периода.

Экономическая теория утверждает: творческий труд не может быть принудительным.

А научные тюрьмы, «шарашки»?

Они во время войны работали.

Другое дело, что после войны от них отказались.

Потому что только в условиях крайнего напряжения и рывка перестают действовать экономические законы.

Норт говорил: «Идеология – это тоже институт».

Она может оказывать сильное воздействие.

Это неформальный институт.

Институт, связанный с ценностями и поведенческими установками.

Он может гасить действие экономических законов.

Но потом наступает амортизация.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Павел Алексеевич Медведев, пожалуйста.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. АУЗАН А.А.

МЕДВЕДЕВ П.А.

д. э. н., проф., финансовый омбудсмен
Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо.

Александр Александрович, большое спасибо за очень интересный рассказ.

Нет у Вас впечатления, что все теории, о которых Вы рассказывали очень хорошо и понятно, страдают общим недостатком: они всё объясняют задним числом?

Никаких алгоритмов наперед либо вовсе нет, либо они бессубъектны.

Вы говорили, что в 90-е годы была договоренность между кем-то и кем-то, что гражданские права обменивались на шашлык или на гуляш.

Кто с кем договаривался?

Рассказ про социально-экономические сдвиги в государствах похож на рассказ про рулетку. Иванов выиграл огромную сумму! И Иванов превращается в притчу во языцах. Только ленивый не рассказывает, какой Иванов молодец и какой хороший пример он показал Петрову и Сидорову.

А как и почему Иванов выиграл и *какой* пример он показал Петрову и Сидорову, остается неясным.

Я был на Тайване, причем в такие давние времена, что еще были живы многие люди, которые помнили 1949 год.

Я воспользовался случаем и с некоторыми поговорил.

Они рассказали, кто такой был Чан Кайши, какая при нем была жизнь.

А жизнь много лет после 1949 года была невыносимая. Жестокость Чан Кайши и его приспешников по отношению к населению острова не знала границ.

Она накладывалась на страшную нищету подавляющей части жителей.

Никакой надежды на хотя бы небольшое улучшения качества жизни не было.

И вдруг оказалось, что Чан Кайши не только людоед, но по совместительству еще и реформатор и демократ, причем поразительно успешный.

Почему в других странах правящие «людоеды» передают власть следующим «людоедам», а те – послеследующим, и этой дурной бесконечности не видно конца, а Чан Кайши передал власть сыну (!), и из этого выросли демократия и процветание?

Есть ли какое-то объяснение наперед, а не задним числом?

Спасибо.

Аузан А.А.: Спасибо, Павел Алексеевич.

Я вижу два вопроса в Вашем суждении.

Первый – привычный мне вопрос.

Кто с кем договаривается?

Как это происходит по Бьюкенену и Таллоку, по теории общественного выбора?

Берем российский пример.

Конституция 1993 года.

Мы понимаем, какая была борьба антикоммунистического президента с Коммунистической партией.

С партией, которая набирала большинство на выборах.

В этих условиях формируется Конституция.

Она является для начала компромиссом элит.

Там были заложены одновременно либеральные и социальные характеристики государства.

Проект Конституции – это договоренность?

Да.

Но это так называемая договоренность групп Уолсона.

Договоренность узких групп.

Групп, которые могут между собой договориться.

Дальше проходит референдум.

В целом приняли это с широкими группами.

В итоге в Конституции заложен некоторый спектр возможностей.

Он реализовывался в последние десятилетия.

На Конституции мы видим, как эти договоренности происходят.

Сложнее, конечно, смена политического цикла.

В странах так называемого горизонтального контракта это происходит через выборы.

Мы понимаем, например, как от демократов к республиканцам меняется модель социального контракта в США.

Фактически демократы, начиная с Обамы, несли, скажем европейским языком, социалистический проект.

А Трамп и республиканцы – неоконсервативны.

Там возник кризис социального контракта, свойственного США.

Государство ничем не обязано, кроме обеспечения личных свобод.

А дальше – делай сам.

Но в Америке уже половина населения – это те, кто приехал за благосостоянием.

Возник такого рода кризис и борьба разных социальных контрактов.

Теперь про субъектность и личные факторы.

Личные факторы, конечно, должны комментировать историки и психологи.

Но я скажу.

Есть ли основание, почему одни «людоеды» создают переход на высокую траекторию, а другие «людоеды» – нет?

Есть такие основания.

В 2011 году мы сделали большое исследование очень интересной группой.

Я тогда возглавлял консультативную группу в Совете при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России.

Мы делали для президента доклад про восточноазиатские модернизации.

Там были не только экономисты.

В составе совета были:

– Павел Семенович Лунгин, замечательный российский и французский режиссер;

– Александр Николаевич Архангельский, литературовед, писатель, режиссер (теперь объявленный Минюстом иностранным агентом);

– Виталий Аркадьевич Найшуль и другие.

Мы с большой группой молодых «копали».

Мы пытались нащупать, что общего у Южной Кореи, Японии, Гонконга, Сингапура, Тайваня?

Они же очень разные.

Никто не повторял Японию, каждый делал свою схему.

Общее у них было одно.

Элиты имели, во-первых, патриотическую установку.

Они видели будущее своих детей в стране.

Во-вторых, самое потрясающее.

20-летний горизонт.

Они смотрели на 20 лет вперед.

Когда мне нужно было докладывать результаты на экономическом блоке правительства, я выговорить не мог.

«Нужно смотреть на 20 лет вперед».

У нас же два года – нормальный срок.

Тосунян Г.А.: Какие 2 года? Уже 3–6 месяцев.

Аузан А.А.: Это, с моей точки зрения, главная проблема страны.

По Всемирному исследованию ценностей мы – чемпионы мира в одной ценностной характеристике.

Это высокое избегание неопределенности.

Мы боимся будущего.

Не открывайте эту дверь – там страшно.

Не меняйте этого человека – следующий будет хуже.

Не трогайте систему – она посыплется.

Не бывает инновационной экономики венчурных рынков с такой установкой.

У каких «людоедов» получается?

У «людоедов», которые смотрят далеко.

А у «людоедов», которые думают, как в этом году набить карман, а дальше трава не расти, не получается.

Спасибо.

Медведев П.А.: Александр Александрович, это ровно то место, где возникает мой вопрос.

Как отбирать хороших «любоедов»?

Есть ли какой-то алгоритм?

Аузан А.А.: Мы провели такой интересный эксперимент.

Даже не по моей инициативе.

Я много лет участвую в подготовке высшего звена управленческих кадров, президентского резерва.

Сидели молодые высокопоставленные чиновники.

Среди них – Глеб Никитин.

Он тогда был первым замминистра промышленности.

Ныне – нижегородский губернатор.

Он попросил сделать портрет молодых чиновников на фоне портрета страны и мира по этим характеристикам ценностей, поведенческих установок.

Мы провели анкетирование.

Что удалось выяснить?

Оказалось, что у этих людей горизонт мышления – 7–8 лет.

То есть он выходит за пределы президентского цикла.

Они удивились: почему так?

Я пояснил.

«Когда вы станете губернаторами, в ваших губерниях наука и образование не будут процветать, а дороги уже будут строить нормальные.

Почему у вас этот горизонт больше?

Потому что вы конкурентоспособные.

Вы понимаете, что даже при перемене власти вы не потеряетесь.

Вы найдете свое место в жизни.

Но 7–8 лет – это очень мало для того, чтобы вы куда-то выводили страну».

Теперь отвечаю на прямой вопрос.

Можно сделать двадцатилетний горизонт?

Можно.

Отчего короткий горизонт?

Известно, что высокое избегание неопределенности – это следствие страха совершить ошибку.

Есть понятие «Failure Culture» – «культура неудач».

Классический пример был приведен с компанией «Walmart».

Но такая же ситуация была у Галицкого в «Магните».

Руководитель отделения «Walmart» совершил ошибку.

Ошибку, которая стоила компании 10 миллионов долларов.

Его пригласил президент компании для обсуждения текущего вопроса.

Тот удивился: «Разве вы меня не уволите?»

Ответ: «Как мы можем уволить человека, в образование которого мы только что вложили 10 миллионов долларов?»

Ведь в России какой стереотип представления об оглушительном экономическом успехе?

Парень 20–22 лет в гараже сделал какую-то штуковину, стал долларовым миллиардером.

В этом все правильно, кроме одного.

Парню 40–43 года, он должен был совершить 10–15 ошибок.

Конечно, нельзя играть в русскую национальную игру «хождение по граблям» – повторение прежних ошибок.

Совершил ошибку – проанализировал, пошел дальше.

Но опыт – сын ошибок трудных.

Можно преодолеть и сделать длинный взгляд?

Можно, если не бояться совершать ошибки.

Тогда выстраивается лестница.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Профессор Момджян из МГУ, пожалуйста.

проф. МОМДЖЯН К.Х. – проф. АУЗАН А.А.

МОМДЖЯН К.Х.*

Момджян К.Х.: Александр Александрович, у меня совершенно конкретный вопрос.

Вы рассказывали о немецком правительстве, которому удалось в очень короткие сроки радикально поднять доверие граждан.

Как это было сделано?

Аузан А.А.: К сожалению, профессор, не могу ответить на Ваш вопрос.

Подробно не изучал эту историю.

Момджян К.Х.: Это случилось реально?

Аузан А.А.: Да, конечно.

Это социальное рыночное хозяйство.

Это новая модель.

Ее реализовали западногерманские христианские демократы.

Скорее всего, им удалось перестроить социальный контракт в Германии.

Перестроить таким образом, чтобы у людей поднялось доверие.

Потому что это реализация того, чего они хотели.

Социальное рыночное хозяйство в то время было, конечно, nonsensom.

Вы за свободу или вы за социализм?

Вы за рынок или за план?

* Момджян Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор.

А тут они сказали, что можно сделать социально-рыночное хозяйство.

Оказалось, что этот заход именно в Германии дал эффект.

Его же пытались где-то повторять.

Он где-то получался, где-то – нет.

Недетализированный ответ такой.

Они нашли модель социального контракта, соответствующую ожиданиям страны.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Последние три вопроса.
Доцент Ефремов из МГУ, прошу Вас.

к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – проф. АУЗАН А.А.

ЕФРЕМОВ О.А.

к. филос. н., доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий эксперт Института фундаментальных проблем социогуманитарных наук Национального исследовательского ядерного университета МИФИ

Ефремов О.А.: Прекрасный доклад!

Спасибо большое, Александр Александрович.

Вы только что сказали, отвечая на вопрос профессора Момджяна...

Когда Вы выстраиваете две эти траектории...

Все-таки есть определенное противопоставление, есть жесткая дизъюнкция: «или – или».

На мой взгляд, это было реализовано в тех успешных странах, о которых Вы говорили.

Возможна ли определенная трансформация и использование потенциала, заложенного в традиционной культуре, для выработки траектории второго типа?

Спасибо.

Аузан А.А.: Вы абсолютно правы.

Это соответствует модели промежуточных институтов.

Я приведу пример Южной Кореи.

С чего они начали?

Чеболи¹³ – это крупные промышленные комплексы, основанные на кланово-родовых связях.

¹³ Чеболь – южнокорейская форма финансово-промышленных групп. Конгломерат, представляющий собой группу формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определенных семей и под единым административным и финансовым контролем.

Западные эксперты утверждали, что родственников нельзя брать на работу.

Они же сказали:

«Хорошая идея, если мы из клана сделаем промышленный концерн.

Будут низкие транзакционные издержки.

Потому что ясно, кто старший, кто судья, почему этот тому подчиняется».

Продуктом использования клановых связей стал не только «Samsung».

Другое дело, что это – первый шаг.

Потом нужно делать следующий.

Он не был сделан вовремя.

И мы получили азиатский кризис 1997 года.

В России он выступал под псевдонимом «дефолт 1998 года».

После этого кризиса что делал тот же «Samsung»?

Было единственное распоряжение.

Инженерам необходимо было сделать две вещи:

– «снять галстук»,

– получить образование в одной из сфер искусства по выбору человека.

Это было революционное решение.

Но оно было уже за пределами традиционной культуры.

Снять галстук – это все равно, что снять погоны крестьянским детям.

Родители гордились, что дети ходят «в галстуках».

Значит, не работают на рисовом поле.

Недавно я встречался с одним из крупнейших бизнесменов.

Большой бизнес готовился к разговору с президентом.

Я ему сказал:

«Вы же фактически чеболик, как в Корее.

У нас экономика примерно с 2004–2005 годов, после дела ЮКОСа, чеболизировалась.

У Вас крупные компании, Вы отвечаете за такие-то города, за социальную сферу».

Он согласился.

Но подчеркнул, что мы, однако, не имеем такой эффективности, как в Корее.

Почему?

Мы не используем свои особенные культурные ценности.

Мы не строим институтов догоняющего развития.

Это то, о чем написал Виктор Меерович.

Фактически мы имеем южнокорейскую структуру экономики.

При этом хотим быть, как Америка и Франция.

Хотим, но не можем.

Можем быть, как Южная Корея.

Можем, но не хотим.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Коллега Игитян из МГИМО.

ИГИТЯН М.Ю. – проф. АУЗАН А.А.

ИГИТЯН М.Ю.

преподаватель МГИМО МИД России,
президент Фонда поддержки международных экономических и гуманитарных программ «Стратегия»

Игитян М.Ю.: Александр Александрович, огромное спасибо за доклад.

По Вашему мнению, Россия является самой восточной из западных стран?

Или самой западной из восточных?

И почему?

Аузан А.А.: Прекрасный вопрос.

Эта фраза принадлежит человеку, которого знают как автора нашей любимой детской книги «Маугли».

Редьярд Киплинг был офицером британской разведки, русофобом.

Он сказал, что русские думают, что они самые восточные из западных наций.

Между тем они – самые западные из восточных.

Всемирное исследование ценностей показало.

Мы находимся в так называемом медианном индивидуализме.

Но чуть-чуть смещены в сторону коллективизма.

То есть вроде бы абсолютно точно подтвердили фразу Киплинга.

Но это – средняя температура по больнице.

Мы задавались вопросом, что это означает.

Мы полуазиаты, или в стране живут разные люди?

Наши полевые исследования сначала в регионах, потом в университетах, потом уже по всей стране показали...

У нас две страны в одной.

Поэтому, как положено, у нас все перепутано.

У нас в Азии – Европа.

А в Европе – Азия, за исключением мегаполисов.

Игитян М.Ю.: Спасибо.

Орел у нас – двуглавый.

Аузан А.А.: Да, орел двуглавый.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Профессор Куликов, короткий вопрос.

д. э. н. КУЛИКОВ Н.И. – проф. АУЗАН А.А.

КУЛИКОВ Н.И.

д. э. н., профессор кафедры экономики Тамбовского
государственного технического университета

Куликов Н.И.: Добрый день!

Спасибо, Александр Александрович, отличный доклад.

У меня такой вопрос.

Кто и по каким параметрам, особенно в нынешнее время, оценивает свободу и демократию?

Расшифрую эти двойные стандарты.

Если победили не сторонники Запада на выборах, то это диктатура, это коррупция и все прочее.

В Грузии завтра победит оппозиция – скажут, что победила демократия.

В Молдавии при всех нарушениях победила демократия.

Украину многие западные страны тоже приводят как оплот демократии.

Байден называет нашего президента Путина диктатором.

Хотя в России демократии сегодня больше, чем в США.

Назвать США демократическим государством вообще-то сложно.

Не только сегодня.

Всегда так было.

Это все-таки больше полицейское государство, чем демократическое.

Хотя там есть и демократия.

Аузан А.А.: Я думаю, что это вопрос не к экономисту, а к политологам.

Куликов Н.И.: Вы – политолог и экономист.

Аузан А.А.: У политологов ответ на этот вопрос выглядит так.

Существует набор критериев.

По ним оценивают степень открытости политических институтов.

Начиная от барьера допуска на выборы партий, отдельных лиц.

Оценивают равенство доступа к информационным каналам и так далее.

В реальности, когда эти критерии применяем, мы нигде не имеем такого совершенства.

Совершенство в этой жизни недостижимо.

Оно существует как разнообразие.

Более того, существуют парадоксальные результаты.

Приведу пример.

Во Всемирном исследовании ценностей есть два взаимосвязанных вопроса.

«Считаете ли вы, что демократия – это когда избирается глава государства?»

«Является ли ваше государство демократическим?»

Китайцы признают, что признаком демократии является выбор главы государства.

При этом считают свое государство демократическим.

Хотя товарищи руководители не избираются населением.

Поэтому, действительно, очень сложная картина.

Особенно если об этом задуматься.

Чтобы отбросить всякие моменты идеологической борьбы...

У политологов все-таки есть набор характеристик открытости политических институтов.

Они позволяют замерять какие-то вещи.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Следующий докладчик – Миркин Яков Моисеевич, профессор, доктор экономических наук.

Автор многих трудов, которые мы очень высоко оцениваем.

Но у нас еще скромно записался с коротким выступлением академик Полтерович.

Академик, которому сегодня, если бы мы здесь голосовали, Нобелевскую премию присудили бы не только по ходатайству Александра Александровича.

Академик Полтерович выступит с десятиминутным сообщением.

Сейчас слово Якову Моисеевичу Миркину.

Тема доклада: «Россия: как стать развитой экономикой, опираясь на несовершенные институты. Оценивая нобелевских лауреатов – 2024».

Сразу хочу спросить Якова Моисеевича.

Почему обязательно опираясь на несовершенные институты?

Нельзя их чуть-чуть усовершенствовать?

ДОКЛАД 2

МИРКИН Я.М.

д. э. н., проф.

РОССИЯ: КАК СТАТЬ РАЗВИТОЙ ЭКОНОМИКОЙ, ОПИРАЯСЬ НА НЕСОВЕРШЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ. ОЦЕНИВАЯ НОБЕЛЕВСКИХ ЛАУРЕАТОВ – 2024

Будем усовершенствовать.

Благодарю за возможность выступить.

Назову несколько книг нобелевских лауреатов, в которых наиболее полно представлены их взгляды.

Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон:

- «Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты»,
- «Узкий коридор. Государства, общества и судьба свободы».

Дарон Аджемоглу, Саймон Джонсон:

- «Власть и прогресс. Наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание».

Идея очень простая, понятная любому инженеру-системотехнику.

Любая сверхцентрализация, принуждение в сравнении со свободой ведет к бедности, к неразвитию.

В каждом обществе нужно найти золотую середину.

Между свободой и принуждением в распределении ресурсов и доходов.

Это приведет к богатству страны.

У нас существует своеобразная динамика моделей российского общества (Рис. 7).

Скажу коротко.

С вероятностью 60–70% – это авторитарная модель латиноамериканского образца.

С вероятностью 30–40% – это так называемая диктатура развития.

Рис. 7

Есть реализованные сценарии такой диктатуры развития.

Подробно эти модели я разобрал в двух своих последних книгах non-fiction:

«Искушение государством»¹⁴ и «Гуттаперчевый человек»¹⁵.

¹⁴ Искушение государством. Человек и вертикаль власти 300 лет в России и мире / Я.М. Миркин. – М.: АСТ, 2023.

¹⁵ Гуттаперчевый человек. Краткая история российских стрессов / Я.М. Миркин. – М.: АСТ, 2024.

Они абсолютно доступны, останавливаться на них не буду.

Остановлюсь на сценарии диктатуры развития.

Существует ловушка преждевременной либерализации.

Она приводит не к богатству страны, не к созданию либеральной демократии или той или иной модели развитой рыночной экономики.

Она возвращает к тоталитаризму или к тоталитарному государству.

Сценарий перехода к диктатуре развития представляется как эволюционный.

Это очень важно.

В исследовательских кругах рассматривают некоторые возможности того, что переходы к следующим моделям будут происходить в результате каких-то всплесков.

В России не может быть хаоса.

Есть примеры реформ, которые осуществляли сверху, а не снизу.

Эти примеры очевидны:

- Испания (поздний Франко, 1960-е),
- Китай,
- Тайвань,
- Южная Корея (с допущениями),
- Сингапур,
- Вьетнам, Узбекистан (сегодня).

Что такое диктатура развития?

Государство с высочайшей концентрацией власти.

Государство, которое подчинило свою деятельность экономическому и социальному развитию.

«Из грязи – в князи».

В случае Тайваня это действительно так.

Примеры таких государств:

- СССР 1920-х годов,
- Испания 1960-х,
- Тайвань конца 1940-х – начала 1980-х,
- Корея 1960-х – начала 1980-х,
- Сингапур, 1960-е – 1980-е,
- Китай конца 1970-х – 2020-е годы.

У меня есть опыт выполнения исследовательского проекта на Тайване (5 месяцев).

Целью этого проекта было понять механику того, как за 30 лет произошел переход из абсолютной разрухи к состоянию развитых экономик. «Из абсолютной грязи – в князи».

Через 30 лет началась демократизация, с тем чтобы в течение 10–15 лет была построена более-менее развитая демократия на Тайване.

Через «диктатуру развития» – к политической либерализации через несколько десятков лет в стабильной экономике / стране с высокой продолжительностью жизни и высоким достатком населения.

Цель государственного развития – это сверхбыстрый рост, технологическая модернизация.

Но ради чего?

В первую очередь ради роста продолжительности жизни, роста качества жизни.

Плюс, конечно, обороноспособность, конкурентоспособность.

Но не на словах, а на деле.

Необходимым условием является глубокая приверженность лидера этим целям.

Что касается Чан Кайши.

Там было и сложно, и просто.

Первоначальные воззрения Чан Кайши где-то в середине 1940-х годов – административная экономика.

Вышла даже книга на эту тему.

Правда, по распространенным оценкам, написана не им, как это обычно бывает.

В этой книге базовой моделью для Китая была представлена именно административная экономика социалистического образца.

В декабре 1949 года им был потерян материковый Китай.

Произошла вынужденная эвакуация Чан Кайши на Тайвань.

Вместе с ним на остров эвакуировались примерно 2 млн человек, прежде всего армия.

Но еще и интеллектуалы, лучшие представители образованной части населения.

У него появилась личная цель – построить общество, которое служило бы образцом для материкового Китая.

Создать образцовую экономику как модель для всего Китая.

Как идеал, как то, что можно «показать народу» для того, чтобы вернуть власть.

Вся его деятельность в 1950-х и отчасти в 1960-х годах была посвящена именно этой более дальней цели.

30 лет на Тайване действовало военное положение.

Страна жила по чрезвычайным законам, исключавшим любую политическую децентрализацию.

Институты были несовершенны.

Отсутствовали реальная защита прав собственности, независимый суд.

Были расширены силовые структуры.

Но при этом происходила непрерывная экономическая либерализация, создавался максимум стимулов для владельцев бизнеса (крупных, средних и мелких), чтобы подстегнуть экономический рост и модернизацию.

Нынешние нобелевские лауреаты обходят эту стратегию.

Они только упоминают азиатские экономики.

Но ставят во главу угла сначала демократию, развитие институтов, а потом все остальное.

В большинстве азиатских экономик, совершивших экономическое чудо, все было не так.

Что такое еще диктатура развития?

Это власть технократии.

Это группа наиболее способных и образованных специалистов, привлекаемых консультантов, в частности, имеющих иностранное гражданство, но отечественные корни.

Что касается Тайваня, то я не знал, что такое количество китайцев в то время имели выдающееся англо-американское образование.

Эти люди в 1920–1940-е годы работали в США и Великобритании.

Они были привлечены тайваньскими властями и с энтузиазмом участвовали в построении так называемого свободного Тайваня.

Авторы экономического чуда всегда находятся рядом с властью или являются частью ее.

Это обязательное условие.

Как правило, это уникальные судьбы, таланты. В случае Тайваня это были инженеры, специалисты в точных науках.

Они ничего не понимали в экономике.

Но очень быстро учились.

Еще один фактор.

Была огромная помощь со стороны США.

Не в части развития либеральной демократии и совершенствования институтов (совсем нет), но именно в сфере экономики развития.

В качестве экспертов активно привлекалась группа сино-американцев¹⁶, они имели реальное влияние.

Их слушали, их идеи реализовывались.

Еще один фактор.

Это экономика развития как идеология хозяйственной жизни.

Этот раздел экономической науки не был, к сожалению, применен в российской практике.

Плюс:

- финансы развития,
- государство развития,
- правительство развития.
- Центральный банк развития.

Все основные институты подчинены именно экономическому развитию.

Как следствие – взрыв «позитивной тепловой энергии» народа.

Мои собеседники на Тайване всегда говорили примерно одно и то же: «Нет тайваньцев, которые не хотели бы стать собственниками».

¹⁶ Сино-американцы – граждане США с китайскими корнями, китайского происхождения.

Южная Корея в середине 1960-х годов стала двигаться высокими темпами.

Тогда был издан отчет МВФ и Всемирного банка.

Пытались проанализировать: почему, откуда?

Одним из ответов был именно этот взрыв энергии, уверенности, доверия народа.

Желание народа получить новую жизнь.

Соответственно, «развитие при сохранении политической стабильности», при несовершенных институтах, удерживающих эту стабильность.

В основе диктатуры развития – экономическая либерализация без политической.

Жесткая централизованная структура власти.

Но именно экономическая либерализация.

Имеется в виду диверсификация форм собственности.

Максимум стимулов для роста и прямых иностранных инвестиций, трансфера современных технологий и ноу-хау в страну.

Всегда популярные экономические реформы, приводящие к росту благосостояния народа и ожидаемой продолжительности жизни (не на словах, а на деле).

Масштабные государственные инвестиции в инфраструктуру, прежде всего имеющую отношение к качеству жизни.

В течение 30 лет очень осторожно происходило высвобождение рыночных сил в опережение политической либерализации (при жестком централизованном управлении политической жизнью общества) с выходом на параметры развитой экономики.

Затем – переход к политической либерализации.

Ее начал осуществлять, кстати, старший сын Чан Кайши, третий президент Тайваня – Цзян Цзинго с русской женой.

Это бывший Николай Елизаров (под этим именем он жил в СССР в 1920-х – 1930-х годах). Был принят воспитанником в семью старшей сестры Ленина Анны Елизаровой.

Учился в советской России.

Был редактором газеты на Уралмаше. Был преданным коммунистом. Публично отказывался от отца.

На рубеже 1940-х годов Чан Кайши смог договориться о его возвращении в Китай.

Сын повинился перед отцом и начал совершенно другую карьеру уже в Тайване.

Есть ли еще обязательные элементы экономики развития?

Крайне желательны:

- международная поддержка,
- доступ к иностранным технологиям и оборудованию,
- разумный изоляционизм (чем мы никогда не страдали). Не закрывая экономику, проводить политику здравого смысла в свою пользу.

Еще я обратил внимание вот на что.

Это характерно не только для Тайваня.

Но и для Китая, Южной Кореи, Японии.

Здесь рядовой человек не очень понимает словосочетание «непопулярная реформа».

Реформы, как правило, популярные.

Действия правительства рассчитываются таким образом, чтобы каждое его решение приводило к определенному шагу, направленному на улучшение благосостояния и продолжительности жизни населения.

Когда я привожу пример азиатских экономик, то первое, что слышу...

Мы – не тайваньцы.

Мы – не китайцы.

Мы – не японцы и так далее.

Конечно, нет копирования, нет подражания.

Но обязательно знание, учет международной практики создания сверхбыстрых экономик.

Разогнать экономику до высоких скоростей – это техническая проектная задача.

При этом должны учитываться особенности страны:

– традиции,

– культура,

– модели массового поведения и так далее.

Возможен ли сценарий диктатуры развития?

При всех моих обсуждениях этого сценария я получаю от комментаторов, как правило, отрицательный ответ.

«Это не при нашей жизни».

«Этого не будет никогда».

«Это мост из Петербурга в Москву».

«У нас модель коллективного поведения, которая никогда не позволит это сделать».

Распространенная точка зрения: «Народ – не тот».

Может ли меняться в России модель коллективного поведения?

Чтобы ответить на этот вопрос, я написал книгу – 2-е издание: «Гуттаперчевый человек. Модели личного и коллективного поведения в России за 300 лет».

В ней я попытался показать, насколько российский народ необычайно адаптивен, с одной стороны, опираясь на данные Всемирного исследования ценностей (WVS), крупнейшего международного проекта социологов, а с другой – на российскую историю.

Приведу примеры этой адаптивности – как за несколько лет появляется совершенно другой человек.

Начало 1700-х годов.

За 10–15 лет появился «петровский человек».

1917–1921 годы.

За 3–4 года появился «советский человек».

1991–1993 годы.

За 3–4 года появился «рыночный человек», «православный / исламский человек».

2010-е годы.

Появился «технический», функциональный человек.

2020-е годы.

Появился «патриотический человек».

Эмигранты родом из России – мгновенная адаптация / ассимиляция.

Примеры быстрой адаптивности в технологиях:

– 1920-е годы – НЭП;

– 2022 год – быстрееший переход к «иранской модели», устойчивость экономики.

Еще один миф массового сознания и обычное возражение, почему такой сценарий невозможен.

Якобы мы – всегда подневольные.

Мы – рабы по своей сути и так далее.

В российской истории и в нынешней ситуации есть масса примеров «островов свободы».

Другие «мы»:

– староверы (православный «протестантизм»);

- отходники;
- казаки (беглецы на окраины государства, хуторное устройство);

- переселенцы – «внутренние эмигранты» (Сибирь, Дальний Восток, север России – Архангельск.

Внутри центральной России – в районах, где был низкий уровень закрепощения (Орловская область, село Дросково).

- государственные крестьяне (большой уровень свободы);

- меньшинства (татары, евреи, кавказцы и так далее);

- эмигранты всех волн (рубеж 1900-х, 1917–1921, 1970-е, 1990-е – 2010-е, 2022–2024).

Еще один миф массового сознания:

- мы – иррациональные,
- всё у нас через пень-колоду,
- не способны на правильные решения,
- жестко централизованное государство генерирует стрессы.

Я попытался показать в своей книге, что у российского народа абсолютно рациональное поведение.

У нас «нормальный» коллективный человек.

Он ведет себя по классической триаде «Замри – Беги – Сражайся». Еще, может быть, «Предугадывай».

Вся история российского народа, его коллективное поведение может быть разложено на эти «Замри – Беги – Сражайся».

В зависимости от стресса, который он испытывает.

Примеры «Бежать» – коллективное поведение за 300 лет. Они всем хорошо известны и понятны:

- 1690-е – 1725 – Петр I, петровские войны и мобилизации – массовое бегство на окраины государства (0,45 млн человек);
- 1881–1914 – эмиграция евреев, 2 млн человек;
- 1917–1921 – исход, белоэмиграция, 2–3 млн человек;
- 1970–2001 – эмиграция евреев, 0,5 млн человек (из России);
- 1990-е – 2000-е – эмиграция немцев, 0,4 млн человек;
- 1990-е – 2021 – больше 1 млн человек (происхождением из России, кроме немцев и евреев);
- 2022 – эмиграция, 0,4–0,8 млн человек;
- внутренняя миграция – из крупных городов в малые поселения.

Примеры «Сражаться» – в коллективном поведении, в том числе в случае войны, нападения на Россию:

- 1690-е – 1725 – Петр I, петровские войны и мобилизации – массовые бунты;
- 1812 – Отечественная война. Без воли народа не победить;
- 1917 – Разрушать. До основания;
- 1918 – 1921 – Гражданская война. Без воли народа не победить;
- 1920–1921 – Бунтовать. Кронштадт. Крестьянские восстания;
- 1941–1945 – Великая Отечественная. Без воли народа не победить;
- 1991 – Восстать. Августовский путч.

А «Сражаться» в экономике?

- 1921–1929 – Совершить чудо. НЭП;

- 1931–1933 – Догонять в обнимку. С Западом;
- 1941–1945 – Превозмогать. Мобилизационная экономика;
- 1990-е – 2010-е – Выживание. «Из примерно 50–54 млн российских семей не менее 10–15, а может и все 20 млн семей живут за счет отходничества» (Плюснин, 2013). Низкобюджетная модель семьи (серая экономика, «сады и огороды»).

Мы мало говорим, например, об экономическом чуде, которое было совершено в 1920-е годы.

Тогда, в период НЭПа, была высвобождена энергия народа.

Всего лишь за 7–8 лет к 1928 году был полностью восстановлен довоенный уровень экономики России.

Темпы роста экономики были выше, чем в 1930-е годы, во время сталинской модернизации.

«Замирать» – коллективное поведение.

Нам хорошо известны эти длительные времена терпения народа:

- начало 1930-х – Массовый голод, карточная система;
- 1930-е – 1940-е – Массовые репрессии;
- 1948–1953 – Поклоняться ценам (шесть «сталинских» снижений цен);
- 1991 – Терпеть. Денежная реформа;
- 1992 – Уйти под лед. Шоковая терапия;
- 1992–2021 – Великое упрощение. Из сверхбольшой универсальной экономики – в сырьевую, зависимую от импорта;
- 2022 – «Жизнь как обычно» в условиях СВО и нарастающих рисков.

Так что у нас народ – тот, что нужно. Ему хорошо было бы дать правильное направление.

Я говорю о реформах сверху, потому что все, что происходит снизу, это все вспышки, анархия, бунт.

Конечно же, мы не рассчитываем на такую динамику.

Мы рассчитываем именно на эволюцию.

К чему стремиться в будущем?

Хочу обратить внимание на социальную рыночную экономику – континентальную модель.

В отличие от англосаксонской, она хорошо подходит России по многим причинам:

- с точки зрения уровней принятия рисков,
- с точки зрения структуры собственности (капитализм стейкхолдеров),
- с точки зрения объемов участия государства.

Участие государства в экономике и социальной сфере гораздо больше, чем в случае англосаксонской модели.

Кроме того, в России многое построено по германскому образцу. Многое имеет германские корни, заимствованные в свое время из практики Германии.

Какова механика диктатуры развития, «экономики роста»?

В каждом случае в диктатуре развития есть «руководитель проекта».

Должно быть личное авторство.

В одной из своих книг я как раз попытался посмотреть общие черты «авторов экономического чуда».

Это люди:

- очень рациональные,
- часто имеющие англо-американское образование, хотя бы в детстве,

– более-менее свободно устанавливающие контакты с Западом (ни один случай сверхбыстрого роста до сих пор не происходил без широкого участия Запада),

– адаптивные, моральные.

Например, две фигуры: Ли Годин (Тайвань) и Людвиг Эрхард (Германия).

Эти люди – образцы этики, любви к собственному народу.

Необходима перезагрузка отношений с развитыми странами после урегулирования конфликта.

Все случаи экономического чуда происходили при партнерстве с Западом.

Но сегодня может сложиться уникальная ситуация, когда «ласковый теленок двух маток сосет».

Мы могли бы найти возможности таких связей как с Западом, так и с Востоком.

Создание «экономики роста» – это техническая задача.

Хорошо известны технические инструменты, которыми это делается. Формула «экономики роста» включает:

- точки роста, администрация развития,
- макроэкономическое программирование,
- рост доступности кредита,
- снижение ссудного процента,
- осторожное «количественное смягчение» (регионы, средний и малый бизнес, жилищная ипотека и так далее) при подавлении немонетарной инфляции,
- умеренно заниженный валютный курс рубля,
- сильные налоговые стимулы за рост и модернизацию,
- снижение налогового бремени,
- ускоренная амортизация,

- таможенная политика, содействующая локализации производства,
- жесткое сокращение регулятивных издержек,
- рост нормы накопления, высокопроизводительных рабочих мест,
- создание рыночной среды, деконцентрация, разгосударствление, сильное антимонопольное регулирование,
- максимум льгот для среднего и малого бизнеса, в пользу роста активов среднего класса, доступность госимущества и земли,
- максимум льгот для прямых иностранных инвестиций, прежде всего в несырьевой сектор.

То, о чем я говорю, не взято из воздуха.

Мы выпустили две монографии (2014, 2018), они общедоступны, в них проведен анализ механизмов экономик сверхбыстрого роста (группы азиатских и европейских стран).

В книге «Финансовые стратегии модернизации экономик: мировая практика» (2014) – Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур, Малайзия.

В книге «Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика» (2018) – Германия, Италия, Испания, Израиль.

Во всех случаях сверхбыстрого роста происходила именно такая настройка экономик (в более жесткой или более мягкой форме, в зависимости от исходного состояния, культурных традиций, разных времен, разного состояния институтов) в рамках «государства развития».

Все это происходило, кстати, и на Тайване.

Происходило в течение 30 лет шаг за шагом, очень осторожно, сбалансированно, чтобы не разрушить соединение политической стабильности и экономического развития.

Экономика быстрого роста, прибегая к метафоре, – это человек на бегу.

Человек, который находится в движении, очень отличается по своим «параметрам» от человека, который находится в спокойном состоянии, медленно идет.

В экономике роста все находится в напряжении.

Какова оценка параметров экономик, которые находятся в состоянии сверхбыстрого роста?

Норма инвестиций – 30–32% ВВП, до 2023 года – 20–22% (сегодня – 25–26%).

Налоговая нагрузка – 31–32% ВВП (сегодня – 35–38% ВВП).

Конечное потребление государства – 14–15% ВВП (сегодня – 18–19%).

Монетизация (M2/ВВП) осторожно растет до 100–120% ВВП (сегодня – 58–60%+).

Насыщенность кредитами – до 90–100% ВВП (сегодня – 60%+).

Инфляция – процент снижается до 2–4% (сегодня – 8–10%).

Национальная валюта – «умеренно ослаблена» к доллару и евро.

Капитализация рынка акций – до 100–120% ВВП (сегодня – 35–40%).

Огосударствление – с 50–60% до 25–30% экономики.

Рост доли среднего и малого бизнеса в ВВП – до 50–55% (сегодня – 22%+).

Как указано выше, в основу оценки этих параметров были положены наблюдения за группой азиатских и европейских экономик, адаптированные к российской практике.

Подведу итоги.

Когда мы по российской привычке говорим: «Нет, это невозможно, так не будет», – мы тем не менее должны использовать сценарный подход.

Вероятность сценария «Диктатура развития» составляет 20–30% после того, как будет урегулирован сегодняшний острый внешний конфликт.

Это задача техническая, понятно решаемая, легкодоступная социальному проектировщику / макроинженеру, действующему на национальном уровне.

В ней нет ничего сверхъестественного.

Благодарю за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое, Яков Моисеевич.

У кого есть вопросы?

Павел Алексеевич Медведев, пожалуйста.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – проф. МИРКИН Я.М.

Медведев П.А.: Спасибо, Яков Моисеевич, очень интересный рассказ.

Мне кажется, что Вы и Александр Александрович не произносите последнюю фразу.

Кому все это надо рассказать, чтобы был толк.

Спасибо.

Миркин Я.М.: Это обычный вопрос – кому мы адресуем.

У меня очень простая позиция.

Должна быть сумма идей.

Должны быть хранители идей.

Должны быть те, кто идеи развивает.

Эти идеи должны быть в доступности.

Если вдруг в России вновь возникнет окно возможностей, важно, чтобы мы не повторили ситуацию начала 1990-х годов.

Что касается того, кто именно...

Горбачева, как я понимаю, никто не ждал.

И Дэн Сяопина – тоже.

Но они появились.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое.

Олег Анатольевич Ефремов, философский факультет МГУ, пожалуйста.

к. филос. н. **ЕФРЕМОВ О.А.** – проф. **МИРКИН Я.М.**

Ефремов О.А.: Спасибо большое.

Спасибо за интереснейший доклад.

Вы даете блестящее определение «диктатуры развития».

Нет ли необходимости ввести в определение «диктатуры развития» один компонент?

Он, по сути, присутствовал во всех ее чертах.

Это – рыночная капиталистическая ориентация.

Ведь вопрос не только в технологических новациях.

Вопрос – в определенных социальных институтах.

Институтах, которые должны формироваться.

В принципе, даже диктатуру пролетариата можно рассматривать как диктатуру развития.

Но проблема в том, что ориентация была на другой результат.

Миркин Я.М.: Полностью согласен.

Я включаю рыночную ориентацию в определение диктатуры развития.

Понятно, что есть пример авторитарного роста.

Можно было бы назвать диктатурой развития то, что происходило в СССР в 1930-е годы.

Наш российский пример диктатуры развития – это 1920-е годы.

Тогда существовала развилка, но мы знаем, как дела пошли дальше: был выбран путь директивной экономики.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое.

Игорь Вячеславович Беликов, Российский институт директоров, пожалуйста.

к. и. н. БЕЛИКОВ И.В. – проф. МИРКИН Я.М.

БЕЛИКОВ И.В.

к. и. н., генеральный директор Некоммерческого партнерства
«Российский институт директоров»

Беликов И.В.: Яков Моисеевич, благодарю Вас за интересную презентацию.

Конечно, у каждого из нас существуют собственные оценки различных тенденций.

Но исключительно важно регулярно проверять их объективными данными.

Например, все социологи пишут о том, что доминирующей реакцией россиян на стрессы является понижающая адаптация.

Поэтому сам факт быстрой адаптации населения к изменяющимся условиям не может быть поводом для оптимизма. Ключевым является то, как именно проявляется эта адаптация.

Вы возлагаете надежду на триаду.

Третьим компонентом в ней – «Сражайся».

На мой взгляд, вся пореформенная история России (после 1991 года) свидетельствует о том, что этот компонент не используется, за редчайшими и единичными случаями.

«Сражайся» – нет.

«Выкручивайся, адаптируйся» – да.

Но это *понижающая* адаптация к трудностям путем сокращения своих ожиданий, сокращения потребляемых жизненных благ и согласия со снижением их качества.

Почему Вы решили, что одна из реакций – это «Сражайся»?

Миркин Я.М.: Я привел очень яркие примеры этой реакции.

НЭП, 1930-е годы, Великая Отечественная война.
Примеров «Сражайся» гораздо больше.

Второе.

Российский народ является очень адаптивным.

Если реформы непопулярны, то в таком случае преимуществом массовой реакцией становится «Замри» или «Беги».

А реакцией на реформы сверху, включающие стимулы, неизбежно будет возбуждение позитивной активности – «Сражайся, делай, достигай!».

Наша практика очень хорошо это показывает.

Например, резкий рост объемов аграрного сектора, фармацевтики на рубеже 2010-х, когда этим секторам предоставили квазинормальные рыночные условия.

Или, например, адаптация российской экономики к тяжелейшим санкциям, немедленное возникновение параллельных структур, прежде всего в среднем и малом бизнесе.

Это была взрывная реакция «Сражайся», которая дала возможность во многом амортизировать жесткое влияние санкций.

Эти три реакции присутствуют одновременно.

В зависимости от направленности стрессов, которые идут сверху.

Надеюсь, взрыв «позитивной теплой энергии» мы увидим и у нас.

Такой же, какой произошел в азиатских экономиках, в Германии или в Испании, в которой поздний Франко на рубеже 1960-х совершил первое экономическое чудо.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Академик Маевский, пожалуйста.

акад. МАЕВСКИЙ В.И. – проф. МИРКИН Я.М.

МАЕВСКИЙ В.И.

акад. РАН, главный научный сотрудник
Института экономики РАН

Маевский В.И.: Спасибо за интересный доклад.
Вы предложили некоторый набор мер для России.
Мер для формирования государственного развития.
Они мне кажутся очень разумными.

Но очень многое зависит от того, как будет себя вести внешняя среда.

Если внешняя среда будет бойкотировать Россию...

Если будет продолжаться политика санкций...

Это одно.

А если будут какие-то смягчения...

Или нам удастся наладить реально интенсивные связи в рамках БРИКС...

Это уже другое.

Может быть, здесь должны быть какие-то варианты?

Учитывая неопределенность ситуации с точки зрения внешней среды.

А у Вас – однозначно.

Независимо от внешней среды Вы сформировали набор предложений.

Которые, несомненно, представляют большой интерес.
Спасибо.

Миркин Я.М.: Спасибо большое.

Эта политика предназначена на времена после урегулирования конфликта.

Можно предположить, что одним из условий урегулирования конфликта будет смягчение или отмена санкций.

То есть вновь «открытие окон» не только на Восток, но и на Запад.

Это первое.

Второе.

Эта политика исходит из следующего предположения.

Может быть запущен внутренний механизм сверхбыстрого роста на основе тех ресурсов, которые уже существуют внутри России.

И если экономика начинает расти темпами 5–7% в год, внешние инвесторы начинают выстраиваться в очередь для того, чтобы зайти в такую экономику.

Санкции неизбежно начинают облегчаться, снижаться и так далее – таково давление бизнеса.

Есть ли доказательства того, что подобная политика может запустить внутренний механизм сверхбыстрого роста?

Да, конечно.

Выше был приведен пример сверхбыстрого роста в аграрном секторе, в фармацевтике.

Прогнозировался глубокий кризис, связанный с санкциями.

Но мы увидели, как быстро адаптировалась экономика и, наоборот, показала рост в 2022–2024 годах, несмотря на глубокое торможение в ряде секторов.

Российский бизнес, прежде всего средний и малый, по-прежнему сохраняет высокую энергию и очень адаптивен даже в тех условиях, когда 30 лет его «морят дустом»:

- сверхвысокие процентные ставки,
- высокая инфляция,

- необыкновенная волатильность,
 - частые кризисы,
 - тяжелая административная нагрузка и так далее.
- Он способен отвечать на вызовы такими реакциями.

Поэтому заложенная логика достаточно проста.

Давайте настроим техническими инструментами механизм запуска быстрого экономического роста на внутренних основаниях.

Оставим «открытые окна» для внешних инвестиций при политике разумного протекционизма, с тем чтобы Россию рассматривали не только как рынок для сбыта своей продукции, как это было раньше, но прежде всего – как объект для прямых инвестиций, причем не только в сырьевой сектор, но и, лучше всего, в обрабатывающие производства и высокие технологии.

Шаг за шагом, постепенно, не сразу, но как длинный тренд.

акад. ТОСУНЯН Г.А. – проф. МИРКИН Я.М.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Как раз в этом контексте у меня вопрос к Александру Александровичу.

Это переключается с тем, что говорит Яков Моисеевич.

У нас сейчас нет доступа к мировому капиталу.

Понятно почему.

Но возникает вопрос.

А почему не было роста на протяжении длительного периода?

Не было возможности привлекать инвестиции?

Не было возможности работать на партнерском уровне?

Это как раз вопрос культуры.

Возможно, отталкивала наша культура управления?

Культура, в которой заложено, что с нами сотрудничать сложно или невозможно?

Вероятно, наши иностранные потенциальные партнеры думают так:

«Если в вас инвестироваться или работать как с партнерами...

Вы в какой-то момент обязательно кинете.

Вы совершите какую-нибудь революцию.

Вы обязательно тройками начнете судить людей, а не судебной системой.

Системой, которая имеет другие принципы и подходы...»

Я провокационно формулирую этот вопрос.

Он адресован и Вам, Александр Александрович, и Вам, Яков Моисеевич.

Может быть, специально нас такими изображают?

Потому что Россия – самая огромная страна.
Завидно кому-то, что она имеет такие возможности.
И лучше ее доводить до каких-то кризисов, чем сотрудничать.

С другой стороны.

Если я такой сильный, огромный и мощный...

То я должен косвенными множественными методами это показывать и влиять мягкой силой. Доказывать, что:

- В меня очень выгодно инвестировать.
- Со мной очень выгодно работать.
- Я очень эффективный, я никого не буду судить тройками.
- Я ни у кого не буду отнимать собственность.
- Я не буду судебную систему подчинять партийной культуре, партийной дисциплине и так далее.

Я не буду вписывать шестую статью в Конституцию, как это было в Конституции СССР

Статью, которая перечеркивала всю Конституцию.

Напомню, в этой редакции Конституция превращается в ничего не значащую бумажку, какой фактически была советская Конституция.

Миркин Я.М.: Можно я отвечу?

В Тайване мне было очень любопытно наблюдать, как они работали с внешними инвесторами.

Это была стратегия персональных сделок с крупнейшими внешними инвесторами по переносу производств внутрь Тайваня.

В значимой мере там участвовали сино-американцы.

Диктатура развития не предполагала никаких «троек» в экономике.

Акцент – на постоянное снижение регулятивного бремени, на постоянное высвобождение рыночных сил то в одном сегменте экономики, то в другом.

То есть 30 лет последовательно диктатура развития оберегала собственность, при самых несовершенных институтах, при действии законов о чрезвычайном положении, при отсутствии на самом деле надлежащей защиты собственности.

Выращивала мелкую и среднюю собственность.

Экономика Тайваня – это не столько экономика че-
болей, крупнейших компаний.

В отличие от Южной Кореи, это экономика прежде
всего среднего и малого бизнеса.

Об этом мало кто знает.

Возвращаясь к России.

Мы – мелкий внутренний финансовый рынок, искореженный высоким процентом, ярко выраженной инфляцией.

Крупнейшие российские компании до 2010 года заменяли дорогое внутреннее финансирование – внешним дешевым, долговым.

Мы все это хорошо знаем.

Банки, внутренний финансовый сектор остались лицом к лицу с мелким и средним бизнесом, и прежде всего – с серой неформальной экономикой.

Санкции прекратили доступ к внешним финансовым рынкам.

Правильно было бы выращивать дешевое долговое финансирование внутри России.

Вместо него мы получили высочайшую процентную ставку для всей экономики, хотя ее отдельные сектора дешево кредитуются через процентные субсидии.

У нас только что была большая ипотечная программа через искусственно нормальные, квазинормальные рыночные условия.

Если предположить, что мы перейдем к обычному для сверхбыстрого роста финансированию развития через создание нормализованного финансового сектора, то это станет очень сильным рычагом роста экономики на внутренних основаниях.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Александр Александрович, пожалуйста.

АУЗАН А.А.

д. э. н., проф.

Гарегин Ашотович, по поводу условий для развития нет спора ни с Вами, ни с Яковом Моисеевичем.

Экономическое развитие при несовершенных институтах возможно.

Но при этом нужны как минимум две вещи.

Во-первых – длинный взгляд.

Какие инвестиции, если мы смотрим на 1–2 года вперед?

Это только в случае инвестиций как неудачно закончившейся спекуляции.

Только этот вариант.

А во-вторых, все-таки нужны определенные институты. Напомню, Яков Моисеевич.

В большинстве восточноазиатских модернизаций при наличии авторитарных режимов все равно работал независимый суд.

Они, правда, получили его в основном как английское наследие – в Сингапуре, в Гонконге.

Без парламента можно развиваться, без суда – нельзя.

Долгосрочная защита прав собственности – это прежде всего суд.

Напомню.

Проводилось исследование, результаты которого изложены в статье Виктора Мееровича Полтеровича и профессора Владимира Попова.

О том, какие демократизации в 1990-е годы давали отрицательный экономический эффект, а какие – положительный.

Выяснилось.

Демократизация давала положительный эффект при наличии двух условий.

При наличии качественной бюрократии и независимого суда.

Остальное может и не работать.

Это и есть инвестиционные условия.

Длинное успешное развитие – это инвестиционное развитие.

Маленькое пояснение Якову Моисеевичу.

Яков Моисеевич, сейчас мы вряд ли можем перейти к дешевому финансированию.

При наличии санкций, полной загрузки производственных мощностей и дефицита на рынке труда...

Удешевление финансирования будет означать повышение издержек без изменения результата.

Мы фактически будем наращивать издержки.

Вы справедливо замечаете.

Если будет решен военный конфликт...

Произойдет деэскалация.

Хотя бы снизятся санкции.

Хотя бы перестанут поступать новые порции санкций.

Начнет как-то решаться проблема недостатка технологий, производственных мощностей и труда.

Например, вследствие роботизации, закупки робототехники.

Тогда я согласен, что переход к дешевому финансированию – это правильный путь к инвестиционному развитию.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Бауэр Татьяна Андреевна из Высшей школы экономики.

БАУЭР Т.А., проф. АУЗАН А.А., проф. МИРКИН Я.М.

БАУЭР Т.А.

старший преподаватель НИУ «Высшая школа экономики»

Бауэр Т.А.: Здравствуйте, коллеги!

Прежде всего хочу сказать большое спасибо.

Спасибо Вам, Гарегин Ашотович, и нашим уважаемым докладчикам, Александру Александровичу, Якову Моисеевичу.

Как раз ответу на вопрос профессора Павла Алексеевича Медведева:

«Мне кажется, что Вы и Александр Александрович не произносите последнюю фразу.

Кому все это надо рассказать, чтобы был толк».

Мое поколение по возрасту (35–45 лет) – это как раз то поколение уже оформившихся управленцев, которые нуждаются в научно проработанных идеях для воплощения их в жизнь.

Без научной базы сейчас действительно очень сложно формулировать свое дальнейшее видение управленческой траектории.

Нас буквально каждый день просят принимать решения «здесь и сейчас», но нет объективно проработанных стратегий, нет научно обоснованных экономических, статистических, социологических данных (по очень многим направлениям, включая цифровые технологии), почему необходимо отдавать предпочтение каким-то решениям.

Отсюда проистекает безразличие к тому, какие долгосрочные последствия будут иметь те законы, которые принимаются для решения конкретных срочных задач.

А ведь и они тоже влияют на формирование государственных институтов и культуру общественных правоотношений.

Я очень благодарна за те встречи, которые здесь проходят.

Благодарна за возможность слушать людей.

Тех, кто с научно обоснованной точки зрения подходит к формулированию своих мыслей.

Нам это необходимо.

В Высшей школе экономики я преподаю законотворческий процесс.

Мы со студентами учимся правильно анализировать законодательство, последствия его применения.

Изучаем, как важно каждое слово в законе, что оно будет иметь последствия для многих тысяч людей.

Оно будет важно для людей, которые будут его исполнять, и людей, которые, возможно, будут проверять такое исполнение.

Кроме того, я веду мастерскую по цифровому праву.

Мы пытаемся сформулировать этические философские принципы для формирования будущего цифрового законодательства.

Сейчас законодатель очень точно подходит к регулированию сферы цифрового взаимодействия граждан, общества, бизнеса, государства, исходя из необходимости купирования наиболее остро стоящих проблем.

Однако пока это приводит только к нарастанию трудноисполнимых нормативных требований, которые по факту не работают.

Решением этой проблемы, на мой взгляд, является четкое, научно обоснованное определение принципов и границ цифрового развития, взвешенный подход к оценке рисков и выгод (стратегических, политических, экономических, социальных и так далее), что должно стать «рамкой» как для фактического развития цифровизации, так и для законодательства, ее регулирующего.

В связи с этим у меня вопрос.

Как Вы видите использование цифровых технологий в дальнейшем развитии наших институтов?

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Александр Александрович.

Аузан А.А.: В 2020 году, в трагический год ковида, мы были заняты болезнями и даже смертями близких.

Тогда мы просмотрели очень важный положительный процесс.

В России именно тогда произошла форсированная трансформация.

Она привела к доминированию цифровых экосистем.

Россия оказалась на фронтире¹⁷ после 2020 года.

Цифровые экосистемы, вообще говоря, рождались только в четырех странах мира:

- США,
- Китай,
- Россия,
- Южная Корея.

Европейские страны не породили ни одной цифровой экосистемы.

Были предпосылки в Чехии.

Там был свой поисковик.

Его сейчас «додушивает» Google.

Поисковик надо иметь для того, чтобы построить цифровую экосистему.

Что такое цифровая экосистема?

Я считаю, что это институциональная революция.

¹⁷ Граница, рубеж, пограничье.

Это институты нового поколения.

До этого мы знали формальные институты.

Это институты, которые поддерживаются насилием или угрозами применения насилия.

И неформальные институты.

Институты, которые поддерживаются общественным мнением, репутацией.

Мы получили институт, который поддерживается агрегаторами, рейтингами.

Инфорсмент¹⁸ там осуществляется с помощью технологий искусственного интеллекта.

Действуют новые варианты решения проблемы оппортунистического поведения.

Среди них проблемы:

– безбилетника,

– неучастия в издержках при попытке участия в результатах,

– рынка «лимонов» – отрицательных эффектов от того, что потребитель не понимает качество продукта.

Все это решается на платформе.

Я убежден.

Основа новой экономики – платформенная экономика.

В 2021 году рост российской экономики составил 5,7%.

В том числе 2 процентных пункта – это восстановительный рост после ковида.

Но это очень высокий рост.

За счет чего?

¹⁸ Обеспечение выполнения договоров, защита контрактов, принуждение к исполнению контракта.

За счет платформы.

Это обеспечивает резкое снижение издержек доступа к рынку.

Малый бизнес раньше выходил на локальные рынки.

Средний бизнес – на национальные рынки.

Большой бизнес – на глобальные рынки.

А сейчас – ради Бога, малый рынок, пожалуйста на мировой рынок.

Через цифровые платформы с рейтингами и агрегаторами.

Осмелюсь сказать.

Мы вошли даже не в новый исторический период.

Мы вошли в новую историческую эпоху.

Вошли с институтами, которые основаны на технологиях искусственного интеллекта.

Я действительно считаю, что это очень большая тема.

Евгений Водолазкин, на мой взгляд, замечательный российский писатель.

Он написал великую книгу «Лавр».

Эта книга просто перевернула, мне кажется, если не русскую литературу, то меня очень сильно.

Недавно мы с ним выступали в «Ноодоме» с парной лекцией про конец Нового времени, про переход в новую историческую эпоху.

Выскажу свое мнение.

Отчасти благодаря новым цифровым институтам мы входим в новую эпоху – эпоху не-Нового времени.

Новое время началось «черной смертью» в XIV веке и закончилось эпидемией ковида в 2020 году.

Теперь мы в другой эпохе.
Спасибо.

Тосунян Г.А.: Яков Моисеевич, вопрос был к обоим.

Миркин Я.М.: Я, как и Вы, университетский профессор.

Начинал преподавать в вузе в конце 80-х годов, когда в вузе еще практически не было цифровой экономики.

А потом она появилась.

И появились возможности обрабатывать очень большие объемы информации.

Появились камеры в аудиториях.

И с каждым годом административная / регулятивная нагрузка на преподавателя все время росла.

Он должен планировать, отчитываться, разрабатывать методические материалы на каждый «чих».

Даже в советское время этого не было по очень простой причине: не было возможности обрабатывать такие огромные объемы информации о субъекте.

Мне кажется, сейчас в российском вузе преподаватель чувствует себя неким обрабатываемым, подконтрольным телом.

Вузы – это пример.

Попробую его экстраполировать, обобщить.

Российское право – это право не стимулов, а наказаний.

Очень важно, чтобы цифровая экономика не вела к дальнейшему развитию права именно в этом тренде:

- контроль,
- слежка,
- наказание,
- ужесточение и так далее.

Потому что цифровая экономика дает возможности очень тщательного, всеобъемлющего наблюдения за человеком.

И второе.

Это называется избыточной регулятивной нагрузкой.

Мы должны найти золотую середину между свободой и принуждением.

Между контролем, надзором и нашим свободным дыханием, нашей энергией.

Сейчас в системах права возник тренд, связанный с цифровой экономикой.

Тренд – поставить под колпак каждого отдельного человека.

В этом колпаке жить невозможно, дышать невозможно.

Какие могут быть инновации?

Когда мы оцениваем применение цифровой экономики и ее влияние на системы права, нужно ответить на вопрос: создает ли все это крайне избыточную регулятивную нагрузку?

«Колпак» это или не «колпак»?

Аузан А.А.: Абсолютно согласен.

Мы – в развилке.

В развилке между цифровым и тоталитарным государством.

Почему тоталитарные государства XX века погибли?

У них была главная проблема: дорого следить за подданными.

Теперь дешево.

Цифровой скрининг.

Важно не попасть в эту ловушку.

Совершенно согласен с Яковом Моисеевичем.

Между Сциллой и Харибдой частных конкурентных монополий в виде цифровых экосистем («Яндекса», «Сбера» и так далее) и цифрового тоталитарного государства – безусловно, я выбираю первое.

На стратегической сессии Совета директоров ЦБ меня спросили почему.

Я ответил, что по простой причине.

Если колпак тоталитарного государства закрывается, как оттуда выйти – вообще непонятно.

А как выходить из ситуации конкурирующих монополий?

Там всегда есть зазоры для развития, автономии и использования этой конкуренции.

Поэтому, безусловно, я за этот полюс.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Любое новшество можно использовать во благо и во вред.

Любой яд в первую очередь – это яд.

Но он бывает и лекарственным препаратом.

Любая технология может работать на общество, на его развитие.

Но может, наоборот, работать на тотализацию этого общества.

Это происходит, если технология оказывается в руках людей, которые имеют другие цели и другие приоритеты.

Михаил Стефанович Мокий, профессор из РАНХиГС.

д. э. н. МОКИЙ М.С. – проф. МИРКИН Я.М.

Мокий М.С.: У меня короткий вопрос.

Яков Моисеевич, большое спасибо за Ваш доклад.

Вы очень подробно исследовали и приводили примеры авторов экономического чуда.

Вы показали, что между ними много общего.

Можете ли Вы сказать, что общего именно в институтах?

Что общего там в правилах поведения людей, в экономике общества?

Как сказал Норт, институт – это правила игры.

Правила игры устанавливали авторы экономического чуда.

Что общего между этими правилами?

Спасибо.

Миркин Я.М.: Я измеряю ту или иную модель общества, модель экономики по степени свободы и принуждения.

Существует «золотая середина».

Она соответствует данному обществу, его традициям и культуре, данному состоянию технологий.

Есть сумма правил, сумма регулятивной нагрузки и тех институтов, которые эти правила поддерживают.

Они могут быть чрезмерными.

Их может быть недостаточно.

Тогда общество начинает погружаться в состояние атомизации, хаоса.

В разных обществах институты задают разную точку на своеобразной оси между свободой и принуждением.

Именно это является «общим» – свойство институтов задавать определенную степень свободы и принуждения.

Эффективность развития общества очень зависит от того, насколько близка эта точка к «золотой середине».

То есть к той точке, которая должна быть свойственна данному обществу в данный момент.

Это важно, чтобы общество и его экономика развивались эффективно.

Это тот критерий оценки институтов, который я стараюсь применить к обществам и экономикам самых разных моделей, самых разных географических ареалов.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Александр Евгеньевич Абрамов.

к. э. н. АБРАМОВ А.Е. – проф. МИРКИН Я.М.

АБРАМОВ А.Е.

к. э. н., заведующий лабораторией анализа институтов
и финансовых рынков Института прикладных экономических
исследований РАНХиГС

Абрамов А.Е.: У меня два коротких вопроса.

Как в эти теории вписывается теория «ловушек»
стран со средним уровнем доходов?

«Ловушек», когда страны достигают определенного
небольшого уровня, а дальше нужно развивать институты.
Где они все-таки, Яков Моисеевич?

Сейчас признанным является тезис.

Старые подходы к промышленной политике устарели.

Стратегии Южной Кореи, Тайваня в настоящее
время уже вряд ли смогут работать.

Главным сегодня является встраивание националь-
ных компаний в глобальные цепочки стоимости.

Это есть в работе американского экономиста
Ричарда Болдуина и других авторов.

Как с этим быть?

Спасибо.

Миркин Я.М.: Сначала отвечу на второй вопрос.

Речь не идет о буквальном копировании стратегий.

Тех стратегий, которых придерживались Тайвань
или Южная Корея, Япония или Германия с Испанией.

Но мы берем модель.

Мы берем инструмент.

Мы берем прием.

В случае с Тайванем это всегда были идеи – найти продуктовую или технологическую нишу.

А дальше, основываясь на этой нише, совершить скачок, прорыв.

30 лет экономической либерализации.

Там были свои три или четыре этапа.

На каждом этапе – очень умные инженеры.

Они очень быстро усваивали экономические идеи, внушаемые им экономистами.

Они находили именно ту точку, от которой можно оттолкнуться.

Прежде всего, конечно, на мировых рынках.

В это время мировые рынки были достаточно открыты.

Что касается «ловушки» среднего годового дохода.

Когда начинаешь обсуждать развитие и теории, связанные с развитием, ты получаешь от российских комментаторов немедленное «нет», массовое «нет».

И поэтому – нельзя, и потому – нельзя, и мы – не такие, и народ – не тот, история – не такая...

Мы – в «колее».

Из этой «колеи» совершенно нельзя выйти...

Идея «колеи» стала новым основанием российского пессимизма.

Куда бы ты ни пришел с идеями развития, немедленно получаешь «колею».

«Ловушка» стран со средним уровнем дохода также является основанием такого «нет, этого не будет».

Но разве мы пытались по-настоящему стимулировать нашу экономику?

И разве она не показывала там и тогда, где включались сильные стимулы в том или ином секторе, быстрый рост?

Разве она не доросла до «ловушки среднего дохода» в самых неблагоприятных условиях с точки зрения того, что по-настоящему сильной стимулирующей экономической политики не проводилось с начала перехода к рынку, а вот тормоза включались на полную катушку?

Нужно пробовать.

Хуже всего ставить крест на собственной экономике, ссылаясь на чьи-то исследовательские изыскания как на абсолютную истину.

Число ловушек, в которых мы находимся, любой из нас может насчитать, наверное, до десятка-двух.

Нужно, понимая их, учитывая их, пытаться выстроить экономику сильных стимулов, которая создала бы максимум условий для их преодоления.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Пожалуйста, Александр Александрович.

проф. АУЗАН А.А., акад. ТОСУНЯН Г.А., проф. МИРКИН Я.М.

Аузан А.А.: Яков Моисеевич, я должен отреагировать на «колею».

В 2016 году я получил Гайдаровскую премию по науке.

Получил за введение эффекта «колеи» в научный оборот.

Тогда я отметил.

Гравитацию исследуют не для того, чтобы доказать, что летать нельзя.

А для того, чтобы научиться строить летательные аппараты.

Эффект «колеи» – это вариант экономической гравитации сохранения в низкой траектории.

Его надо изучать.

Изучать для того, чтобы найти пути перехода в высокую траекторию.

Возможность такого перехода доказана.

Доказана теми случаями, которые мы сегодня неоднократно упоминали.

Это к вопросу о возражении на планы развития из-за наличия эффекта «колеи».

Да, гравитацию учитывать надо.

Нужны определенные действия для того, чтобы летать.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Хорошая аналогия.

Миркин Я.М.: Очень важно, чтобы Вы сейчас по мере возможности громко об этом говорили.

Потому что эффект «колеи» стал одним из самых распространенных аргументов в российском интеллигентском сознании.

«Нет, нет, никогда этого не будет».

Тосунян Г.А.: Единственное. Замечу как физик.

Гравитация имеет то преимущество, что она плавная, непрерывная.

А «колея» имеет ту особенность, что там нужны скачки.

Скачки иногда из такой глубины, из которой сложно выскочить.

Поэтому гравитация – очень нежное ограничение по сравнению с теми факторами, которые несет в себе «колея».

Аузан А.А.: Яков Моисеевич, эти акценты я и раньше расставлял.

Но сейчас у меня появился более неожиданный аргумент.

Потому что это разграничение траекторий, историки его называют *great diversion* – раздвоение мира, которое возникло в начале эпохи Нового времени.

Я предполагаю, что эпоха Нового времени закончилась.

Мы, может быть, просто перевернем страницу.

Происходит рестарт.

Иными словами, сейчас будут образовываться новые траектории.

Думаю, это будет происходить в связи с собственностью на цифровые активы.

Я готов, безусловно, защищать точку зрения, что летательные аппараты можно и нужно строить.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: А принципиальную разницу между гравитацией и «колеей» Вы признаете?

Аузан А.А.: Дорогой академик, поскольку у Вас физическое образование, а у меня – экономическое...
Я просто соглашаюсь.

Тосунян Г.А.: Хорошо, на этом и сойдемся.
Колосова Нина Михайловна из Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

КОЛОСОВА Н.М.

д. ю. н., главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Колосова Н.М.: Спасибо.

Очень важны междисциплинарные исследования, которые помогают юристам анализировать многие научные проблемы и способы их разрешения для дальнейшего законодательного обеспечения.

Любая наука призвана выполнять на основе прошлого и настоящего опыта прогностическую функцию при принятии любых решений, просчитывать возможные варианты последствий.

В этом направлении целесообразно анализировать просчеты и неверно принятые решения.

В основном сделан акцент на положительном опыте экономического чуда.

Исходя из сказанного, мой вопрос связан с анализом ошибок.

Есть ли какие-то системные исследования мировых ошибок, их причин в экономической области?

Причем ошибки могут быть разные:

- постановка цели,
- использование необоснованных методов,
- несбалансированные институты...

Например, несовместимости разных институтов в качестве ошибки, которая вызвала негативные последствия в прошлом, можно избежать в настоящем.

Аналогичный вопрос возникает и по нашей истории.

Не было ли каких-то повторяющихся ошибок, которые мы допускали в экономической области?

Миркин Я.М.: Книги нобелевских лауреатов – не только о богатых странах.

Они – и о бедных странах.

В них разбираются ошибки.

Что касается российской истории.

Сумма ошибок, связанных с административной экономикой, разобрана очень подробно во множестве научной литературы.

Разобраны также ошибки, которые были сделаны в середине 80-х годов.

Они следовали за нами эти 30 лет.

Конечно, мы сравниваем 30 лет Южной Кореи, 30 лет на Тайване, 30 лет в Китае.

Наши 30 лет – это очень проблемная экономика.

Это сырьевая экономика латиноамериканской модели.

Глобальные инвесторы до 2014 года всегда сравнивали нашу страну с Бразилией.

Сравнивали курс рубля и бразильского реала.

Сравнивали курс российских акций и бразильских акций.

С бразильскими акциями и реалом была высочайшая корреляция.

Ты не знал, где находишься, – в Сан-Паулу или в Москве.

Есть много литературы, посвященной ошибкам этого времени.

В том числе ошибкам конца 80-х, начала 90-х годов.

У меня есть несколько публикаций.

Это сделано в очень интересном сборнике, посвященном юбилею Михаила Сергеевича Горбачева.

Что тогда происходило?

Можно ли было сделать как-то иначе, добиться успеха, а не получить крупные проблемы?

Это отдельная тема разговора, очень важная.

О том, что было сделано не так, когда открылось окно возможностей в начале 90-х годов.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Александр Викторович Гнусарев, математик, банкир.

ГНУСАРЕВ А.В., проф. МИРКИН Я.М., проф. АУЗАН А.А.

ГНУСАРЕВ А.В.

независимый эксперт

Гнусарев А. В.: Спасибо.

У Пушкина есть строки:

«...Опыт, сын ошибок трудных...

...и случай, бог-изобретатель».

Хотел спросить об определении роли случая при оценке развития общества и экономики.

Эта тема звучала, но она не раскрывалась.

У нас говорят: есть большой слон в комнате, но его не замечают.

Этот вопрос к обоим докладчикам.

Спасибо.

Миркин Я.М.: Нобелевские лауреаты отрицают исторический детерминизм.

С их точки зрения, в этих развилках все происходит случайно.

Это мутации в стороны эксклюзивных или инклюзивных институтов.

Думаю, что истину нужно искать посередине.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Александр Александрович, пожалуйста.

Аузан А.А.: Напомню.

Теория институциональных изменений Норта (Нобелевская премия 1993 года) построена на идее ошибки первоначального выбора.

Там в свою очередь есть лемма к этой теории.

В 1985 году был открыт такой интересный эффект.

Он называется феномен Qwerty¹⁹.

Выяснилось следующее.

В этом мире сохраняется масса неэффективных решений.

Например, если посмотреть на клавиатуру латиницы компьютера...

В левом верхнем углу есть надпись – Qwerty.

Это реклама фирмы, которая производила пишущую машинку конца XIX века в Лондоне.

Это означает – не оптимальное расположение клавиш.

Или, к примеру, ширина железной дороги.

Технологи признают, что русская и американская колея – правильная.

Локомобиль лучше, чем двигатель внутреннего сгорания.

Иными словами, на технической развилке вы с высокой вероятностью попадаете в ошибки.

То же самое – при проектировании институтов.

Вероятность ошибки высокая.

Главное, что ошибка потом закрепляется.

Издержки исправления ошибки могут оказаться высокими.

Выше, чем издержки сохранения ошибочного пути развития.

Поэтому очень важно понимание случайности в нынешней теории институциональных изменений.

Спасибо.

¹⁹ Феномен QWERTY – это явление, которое описывает победу менее эффективного стандарта за счет случайных обстоятельств и последующее закрепление победы за счет набранной пользовательской базы. При этом изменение стандарта невозможно из-за очень больших издержек.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Перейдем к третьему докладу.

Академик Полтерович Виктор Меерович, Вам слово.

ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

акад. РАН, главный научный сотрудник, руководитель
научного направления «Математическая экономика»
ЦЭМИ РАН, заместитель директора Московской школы
экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член
Эконометрического общества, почетный президент
Новой экономической ассоциации

Я не претендую на доклад, только на краткий комментарий.

Очень интересные доклады.

В каком-то смысле взгляды, которые здесь были высказаны, противоположны друг другу.

Александр Александрович сделал акцент на роли институтов и культуры.

А у Якова Моисеевича основное действующее лицо – высокоморальный и умный диктатор.

Диктатор, который проводит замечательную политику на благо всего народа и в результате достигает успеха.

С этой точкой зрения я никак согласиться не могу.

Согласен с тем, что роль лидера в экономическом чуде действительно высокая.

В чем именно она состоит?

Говорить о высокой морали лидеров, которые зачили экономическое чудо, в некоторых случаях, может быть, и можно.

Но, например, в случае с Кореей вряд ли это верно.

Пак Чон Хи, основатель корейского экономического чуда, возглавил вооруженное восстание, потом очень жестко подавлял гражданские свободы и вызвал всеобщее возмущение.

На него трижды совершались покушения, третье закончилось его смертью.

Сама Южная Корея представляла собой в тот период крайне коррумпированную систему и, несмотря на это, очень быстро развивалась.

Другой пример.

Вряд ли можно сказать, что Франко был высокоморальным лидером.

Но в последний период своей жизни он обеспечил экономическое чудо в Испании, создав, как и Пак Чон Хи, институты специального вида.

Я называю их институтами догоняющего развития.

К ним относятся корпоративистская система управления – система, основанная на взаимодействии государства с экспертами, с ассоциациями бизнеса и другими организациями гражданского общества, а также индикативное планирование и генеральное агентство развития.

Это агентство стоит над министерствами и формирует все виды перспективной экономической политики.

В каком-то смысле оно ограничивает роль, возможности высшего руководителя, действуя не по его воле, а в силу экономической логики.

Еще один институт догоняющего развития – национальная инновационная система, нацеленная на заимствование технологий.

В подавляющем большинстве стран, продемонстрировавших экономическое чудо, все эти институты присутствовали.

Кстати, корейские президенты, в процессе управления которых продолжалось экономическое чудо, один за другим либо шли под суд, либо даже были арестованы, обвинялись в коррупции.

Дело не в морали, а в том, что институты догоняющего развития способны действовать в очень несовершенной институциональной среде, в этом их колоссальное преимущество.

Перейду к теме, которая была основной у Александра Александровича, – Нобелевская премия Дарона Аджемоглу, Саймона Джонсона и Джеймса Робинсона.

С точкой зрения Александра Александровича я в основном согласен и очень благодарен ему за высокую оценку моих работ.

Но есть дополнительные комментарии, которые я попробую изложить.

Короткая формулировка Нобелевской премии, присужденной этим трем авторам, звучит так: «...за исследование формирования институтов и их влияния на благосостояние».

Немного странно считать это новым результатом.

Роберт Фогель и Дуглас Норт за 31 год до Аджемоглу, Джонсона и Робинсона получили Нобелевскую премию с близкой по содержанию формулировкой: «...за обновление исследований в области экономической истории путем приложения экономической теории и количественных методов для объяснения экономических и институциональных изменений».

Чрезмерная общность формулировки премии Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, видимо, не случайна, как и неоднозначная реакция мирового научного сообщества на ее присуждение.

Прежде чем остановиться на этом, отметим, что уровни научных достижений этих трех авторов существенно различаются.

Дарон Аджемоглу, бесспорно, выдающийся экономист, блестяще владеющий математическими методами экономического анализа, автор целого ряда работ на самые разные темы.

Не случайно по рейтингу базы данных RePEc (Research Papers in Economics), ранжирующей 70 тысяч экономистов со всего мира, Аджемоглу занимает второе место (и я бы сказал, что он заслуживает первого).

При этом Робинсон – на 124-м месте, а Джонсон – на 161-м.

Между прочим, Д. Аджемоглу много писал о значимости гражданской культуры.

Тем более удивительно, что в его книге «Why Nations Fail», совместной с Робинсоном, посвященной проблеме объяснения исторического развития и получившей, пожалуй, наиболее широкую известность, культуре не уделено должного внимания.

Об этом очень точно было сказано в докладе Александра Александровича Аузана.

Интересна реакция в печати на присвоение трем экономистам Нобелевской премии 2024 года.

Вот несколько заголовков:

– «В этом году Нобель по экономике необыкновенно спорен»;

– «Наиболее спорный приз по экономике за все время, которое можно вспомнить»;

– «Можно ли не впечатлиться нобелевскими лауреатами?»

Критика идет в основном по двум направлениям.

Во-первых, замечают, что быстрый и долговременный рост возможен без инклюзивных институтов.

Опыт стран экономического чуда – Южной Кореи, Тайваня и других – подтверждает это.

Китай, который не является страной экономического чуда, поскольку еще не вышел в разряд развитых, демонстрирует совершенно потрясающий рост в течение нескольких десятилетий и делает это благодаря, на мой взгляд, внедрению институтов догоняющего развития.

Как уже отмечалось в выступлениях, опыт Китая – явное опровержение идеи, что без инклюзивных институтов долгосрочный рост невозможен.

Недооценка роли культуры – второе направление критики.

Кроме того, разные авторы обращают внимание на то, что в книгах нобелевских лауреатов имеется немало чисто исторических неточностей.

В последние тридцать лет был сделан ряд попыток разработать общую теорию общественного развития.

Среди них я бы выделил работу «Ружья, микробы и сталь» Джаред Даймонда, опубликованную в 1997 году, где утверждается решающая роль географических факторов в социально-экономическом развитии.

В 2009 году вышла книга Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки» (это название перевода), согласно которой главным двигателем развития являются институты.

В этом отношении концепция авторов близка к теории Аджемоглу, Робинсона и Джонсона.

В 2013 году вышла в свет монография Кристиана Вельцеля, в русском переводе она называется «Рождение свободы».

Вельцель стремится доказать, что основой социально-экономического развития является гражданская культура, а институты играют подчиненную роль.

Отметим, что для обоснования своих идей автор широко использует эконометрику.

Все четыре теории монокаузальны: каждая из них пытается объяснить эволюцию влиянием одного главного фактора, и все они сталкиваются с непреодолимыми трудностями.

Сами авторы вынуждены признать, что они не могут объяснить переход от экстрактивных институтов к инклюзивным или от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа.

Аналогичным образом в теории Вельцеля остается не раскрытым механизм совершенствования гражданской культуры.

Аргументы Даймонда выглядят убедительными, однако его теория не затрагивает вопроса о движущих силах и механизмах, обусловивших развитие западной цивилизации в Новое и Новейшее время.

Я попытался наметить подход к созданию такой теории. Он основана на рассмотрении четырех факторов:

- институты,
- культура,
- технический прогресс,
- уровень благосостояния.

Эти четыре фактора тесно связаны друг с другом, но при этом действуют очень по-разному для двух классов стран.

Догоняющие страны развиваются за счет институтов определенного типа, а именно за счет институтов догоняющего развития, о которых шла речь выше.

А в передовых, лидирующих странах институты догоняющего развития уже не играют роли, в них взаимодействие этих четырех факторов устроено иначе.

В Европе потенциал быстрого развития начал формироваться в конце XIII – начале XIV века в результате, на первый взгляд, очень странного обстоятельства.

В течение предшествующих веков европейские страны воевали друг с другом, и их правительства были озабочены главным образом постоянными войнами, защитой своих границ и завоеванием новых территорий.

Они не обращали особого внимания на нужды населения (за исключением элиты), их не волновало развитие экономики, идея технического прогресса отсутствовала как таковая.

Но в конце XIII – начале XIV века в Европе было изобретено огнестрельное оружие, и постепенно обнаружилось, что даже небольшие усовершенствования этого оружия дают колоссальные преимущества в войнах.

Правительства европейских стран поняли, что нужно в первую очередь стимулировать прогресс в его создании.

Но для того, чтобы создавать новое оружие и совершенствовать старое, необходимо было развивать промышленность.

Так началась гонка вооружений. (Здесь я ссылаюсь на известных историков Габора Агостона (Agoston, 2005) и Джоэля Мокира (Мокур, 2005, 2016); «Культура развития» – так начинается заголовок книги Мокира.)

И тогда обнаружилось, что развитие экономики может быть более эффективным способом увеличения благосостояния, нежели война, даже для элиты.

Идея технического прогресса постепенно укоренялась в сознании правящего класса.

Поддержка технического прогресса приводила к увеличению благосостояния, а значит, к расширению возможностей получения образования.

Формировалась новая институциональная система – система университетов и исследовательских организаций.

Новая культура (в частности, увеличение качества человеческого капитала) способствовала ускорению технического прогресса, а значит, и повышению благосостояния.

Возникла спираль роста. Резко возросла роль предпринимателей и интеллигенции.

Становление новой элиты происходило под демократическими лозунгами и способствовало формированию институтов демократии.

К сожалению, у меня нет времени для более детального изложения предлагаемого подхода.

Я старался показать, что, отказавшись от монокаузальных концепций и включив в рассмотрение хотя бы четыре основных фактора экономического развития, мы получаем более богатую и убедительную теорию.

Отмечу, что на одном из предыдущих заседаний я фактически пользовался четырехфакторным подходом, демонстрируя, что в развитых странах механизмы конкуренции и власти постепенно уступают место институтам сотрудничества.

Большое спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Виктор Меерович.
Ваша книжка у нас, я уже ее демонстрировал.

Полтерович В.М.: Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Коллеги, переходим к обсуждению.
Профессор Сухарев заранее просил слово.
Пожалуйста, Олег Сергеевич.

Добрый день еще раз всем!

Спасибо докладчикам.

Солидарен с выступлением Виктора Мееровича практически по всем позициям.

Он сказал многое из того, что я хотел сказать.

Единственное, добавлю некоторые аспекты.

Доклады не просто делают разные акценты.

Они оба во многом идеалистичны, что их сближает, но в остальном – сильно отличаются.

Идеалистичны с точки зрения оценки институциональных изменений.

И на мой взгляд, не демонстрируют конкретного выхода в этой области (институциональных изменений).

Такой выход виден у академика Полтеровича по институтам догоняющего развития.

Но в докладах его нет.

Это крайне важное обстоятельство.

Например, дихотомия по двум группам институтов у Аджемоглу, конечно, хромает.

Потому что характеристики институтов в каждой группе свои для каждой страны на своем этапе развития.

А для разных стран они еще и отличаются.

В разные исторические эпохи для одной и той же страны и тем более разных стран – они совершенно другие.

Важен конкретный исторический аспект – условия этих так называемых экономических чудес.

Виктор Меерович абсолютно справедливо сказал.

Китай субъективно не относят к чуду.

Но по существу – тридцать лет устойчивого роста темпами в среднем под 10%.

Это ли не успех и не «чудо»?

Какой бы устойчивой культурой и технологическим прогрессом ни обладала Япония, но равной динамики она не демонстрирует, причем и на длительном, и на коротком интервале.

Кроме того, если говорить об ошибке первоначального институционального выбора, то возникают вопросы.

Для всех ли стран была эта ошибка?

Вообще, существовал ли первоначальный выбор для всех стран, и насколько он был безошибочным? И что считать первоначальным выбором?

Например, сравните развитые страны и страны Субсахарской Африки.

Попробуйте осуществить экономическое чудо для Чада.

И какой для него первоначальный выбор, в чем он и ошибочен ли?

То есть важны и конкретная историческая обстановка, и факторы развития.

Историческая эпоха, набор факторов современного роста, факторная основа роста и, конечно, институциональный пласт.

Институциональный пласт не может не опираться на факторную основу, на источники роста, которые могут для какой-то страны отсутствовать.

Вот почему я поддерживаю Якова Моисеевича в отношении процентной ставки.

Она должна обеспечивать условия для создания и развертывания мощностей.

А не просто для покупки робототехники.

Это линейная логика, достаточно примитивная.

Она лежит на поверхности.

Логика ничегонеделания.

Это как своеобразный институт «ничегонеделания», когда легче повысить процентную ставку, чем снизить.

Хотел бы коротко отметить два момента.

Первый докладчик (А.А. Аузан), справедливо критикуя Аджемоглу, как и Виктор Меерович, следует, по сути, за Аджемоглу, выстраивая похожую типизацию.

Так, он выделяет индивидуалистические и коллективистские институты для России.

Но ведь эти институты связаны точно так же, как связано создание индивидуальных и коллективных благ, или так называемых позиционных благ, по Хиксу.

Важный момент – трансформация культуры.

Я приводил пример с циклом Сыма Цяня.

Он жил давно.

Джун (чжун) – это институты правды.

Они доминируют.

Они приводят к дикости, по Сыма Цяню.

Дзин (цзин) – это институты уважения.

Они приводят к культу личности.

Вэнь – это институты культуры.

Они приводят к фальши.

И спасение от фальши – опять институты правды.

Они опять приводят к дикости.

Этот своеобразный институциональный цикл создан задолго до появления экономики как дисциплины.

Древнекитайский философ рассуждал о смене общественных форм именно в социокультурологической плоскости.

Это показывает необходимость анализа институциональных характеристик, а не просто абсолютизации по наименованию либо некой дихотомии с приписыванием этих характеристик странам.

Каждая из них – своеобразная в каждой стране.

Например, институты демократии.

Но демократия демократии рознь. Централизм централизму рознь.

И фашистская Германия была централистской, и СССР был централистским.

И Китай сейчас – централистский.

Запад называет его авторитарным.

А результаты – разные, и культура – разная.

Это крайне важно.

Например, описание экономического роста.

Возьмем функцию Солоу.

Я обращаю внимание на такую мысль.

Как ни изменяли эту функцию, добавляя человеческий капитал (Роберт Лукас), и какие бы претензии ни предъявлять по поводу учета капитала и труда, но она показывает, что и капитал, и труд даже в условиях дефицита вносят некий вклад в темп роста.

Научно-технический прогресс, как он назван докладчиком, предполагает и научную, и технико-технологическую составляющую.

Но эти две составляющие без качества человеческого капитала, без ценности, без культуры, без развития науки не будут сильно значимы.

Однако в этой функции о научно-техническом прогрессе речь ведется нормативно.

Не доказывается, что коэффициент перед величиной капитала, обычно обозначаемый $A(t)$, – обязательно научно-технический фактор.

Он может воплощать, как вариант, и институциональные факторы.

Эти вещи мне представляются крайне важными.

Они показывают направление совершенствования самого этого подхода, неадекватность даже базовых моделей или имеющиеся недостатки.

Институциональные изменения тянутся во времени.

Они различны по времени.

Разные институты взаимодействуют, конфликтуют и трансформируются в силу действия различных причин.

Но понять, к чему приведет институциональное изменение, можно, только прожив его.

Вы не можете на протяжении неоконченного процесса абсолютно точно сказать, к чему это приведет.

Здесь есть объективные ограничения.

Это надо принимать во внимание, рассматривая данную тему.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Тигран Суменович Саркисян.

В нулевые годы – председатель Центрального банка Армении, затем – премьер-министр Республики Армения.

Сейчас – один из руководителей Евразийского банка развития,

После премьерства в ЕврАзЭС, руководитель исполкома ЕврАзЭС.

Пожалуйста, Тигран Суменович.

**к. э. н. САРКИСЯН Т.С., проф. МИРКИН Я.М.,
акад. ТОСУНЯН Г.А.**

САРКИСЯН Т.С.

к. э. н., заместитель председателя правления
Евразийского банка развития

Саркисян Т.С.: Спасибо большое.

Прежде всего хотел бы поблагодарить наших спикеров за очень яркие выступления.

Такие выступления будоражат наши мысли.

Поделюсь несколькими соображениями, может быть, ошибочными.

Экономическая наука – очень хитрая.

В экономической науке можно найти огромное количество гипотез.

Гипотез, которые противоречат друг другу.

И несмотря на это, их авторы получают Нобелевские премии.

И даже нобелевские лауреаты спорят между собой.

Это означает, что Нобелевские премии вручают не потому, что эти работы, теории, гипотезы верны.

А потому что эти идеи будоражат мысли значительного количества исследователей.

Это касается также и последнего лауреата и его трудов – Дарона Аджемоглу.

В 2003 году Международный валютный фонд и Всемирный банк собрали в Лондоне большое совещание по итогам десятилетних реформ.

Реформ, которые проводились в постсоветских десяти – одиннадцати странах.

Это страны Центральной Азии, Закавказья, Украина, Белоруссия, Молдова и Монголия.

Тема обсуждения сводилась к следующему.

Почему десять лет реформ не привели к ожидаемым результатам?

Эти реформы проводились под непосредственным управлением и руководством блистательных умов.

Они финансировались и организовывались Всемирным банком и МВФ.

Пригласили руководителей центральных банков.

В то время я был председателем Центрального банка Армении.

И пригласили министров финансов.

Дали возможность выступить всем представителям из этих стран.

В том числе, конечно же, и выдающимся лидерам мысли МВФ.

Представители всех стран рассказывали о реформах, которые они проводят у себя.

Пытались подытожить, что же было сделано неправильно и что – правильно.

И почему результаты никого не устраивают.

Вывод, к которому мы пришли в конце этого обсуждения, заключался в следующем.

Все рекомендации Мирового банка и Международного валютного фонда были верны.

Но не было политической воли, чтобы реализовать все эти рекомендации в полной мере.

Вот с таким выводом мы вернулись в наши страны и начали думать.

Думать о том, почему не хватает политической воли для реализации очень очевидных реформ.

Мы это уже обсуждали с Дароном Аджемоглу в Бостоне в 2012-м.

Туда я поехал для того, чтобы послушать его мнение.

Он хотел помочь в осуществлении реформ правительству Армении, которое я тогда возглавлял.

Вопрос.

Почему мы не можем проявить политическую волю при внедрении инклюзивных институтов?

Почему не можем изменить в лучшую сторону жизнь по этим очевидным, как думают некоторые специалисты, рекомендациям?

У нас с Дароном была очень острая, интересная дискуссия на эту тему.

Стало понятно.

Большая часть его рекомендаций не учитывает конкретные обстоятельства конкретных стран.

А они находятся под воздействием очень многих факторов.

Факторов, которые невозможно изменить.

Даже несмотря на очевидную политическую волю.

Вывод, к которому я пришел, дискутируя с ним, таков.

Его рекомендации не могут быть реализованы в Армении по ряду объективных причин.

Я излагал ему, почему то или иное предложение не может быть реализовано.

Но это к вопросу о том, что же собой представляет теория социально-экономического развития в современном мире.

Следующий пример.

Состоялось большое собрание в Мексике под руководством ведущих финансовых институтов мира.

Там собрались лучшие умы.

Собрались, чтобы помочь нам правильно управлять финансовыми рисками.

Мы заслушали доклады выдающихся ученых.

Вывод, к которому мы пришли, заключался в следующем.

Современная наука не позволяет предугадывать и предвидеть экономические кризисы.

Но современная наука потом очень хорошо объясняет причины кризиса.

С этим малоутешительным выводом мы вернулись в наши страны продолжать наши реформы.

И с этой точки зрения становится очень важным вопрос. Какие реформы надо осуществлять?

Мое мнение заключается в следующем.

Реформы осуществляют не теоретики, не ученые.

Реформы осуществляют реформаторы.

Роль личности в осуществлении этих реформ имеет принципиально важное значение.

Не было бы Ли Куан Ю – не было бы того чуда в Сингапуре.

Потому что никаких объективных предпосылок и сравнительных преимуществ у Сингапура в 1960-е годы не было.

А был Ли Куан Ю – выдающийся лидер.

Он приезжал в Армению с визитом.

Мы с ним проводили очень много времени, обсуждая вопросы реформ.

Меня поразила одна очень важная характеристика этого человека.

Когда я читал его книги, мне казалось, что он – идеалист.

А во время обсуждений реформ я обнаружил су-перпрагматичного человека.

Человека, у которого абсолютно не было никаких романтических перекосов.

Я хочу напомнить Александру Александровичу Аузану.

Мы имели с Вами возможность посетить Центральный банк Российской Федерации.

В то время я был председателем Евразийской экономической комиссии.

Нам нужна была поддержка Центрального банка, чтобы реализовать реформы уже в рамках всего Евразийского пространства.

В том числе и для построения общего финансового рынка.

Но наши обсуждения ни к каким результатам не привели.

Нам не удалось заразить руководство ЦБ своими идеями.

Не удалось доказать, что это очень важная, актуальная тема.

В результате что мы имеем?

В соответствии с союзным договором о создании Евразийского экономического союза, у нас должен был в 2025 году появиться общий финансовый рынок во главе с мегарегулятором.

У нас не будет мегарегулятора в 2025 году.

У нас не будет общего финансового рынка.

Почему?

Потому что это дело поручили председателям центральных банков.

Они не были привержены идеям евразийской интеграции.

Более того.

Они все сопротивлялись делегированию финансовых полномочий на наднациональный уровень.

Если бы эта задача была решена пять лет тому назад, у нас был бы общий финансовый рынок.

И Российской Федерации было бы гораздо легче в условиях санкций.

Удар по финансовому сектору не был бы таким болезненным, каким он оказался.

И здесь роль личности и личных позиций в осуществлении реформ имеет принципиально важное значение.

Было бы руководство Банка России сторонником идей евразийской интеграции – оно нашло бы способы реализовать концепцию, одобренную пятью президентами.

И мы имели бы другую картину.

Было прямое поручение председателям центральных банков.

Поручение разработать и реализовать эту концепцию.

Однако то, что они разработали, было шагом назад по сравнению с тем, что было зафиксировано в союзном договоре.

Очевидно, что лидеры этих учреждений не воодушевлены идеями по формированию общего финансового рынка.

В ближайшие пять лет эта задача, очевидно, также не будет решена.

Так что «моя копейка в копилку» заключается в следующем.

Безусловно, роль личности в осуществлении реформ имеет принципиально важное значение.

Я не могу согласиться с тезисом Якова Моисеевича.

О том, что есть объективные закономерности появления «взрывных» людей.

Тех, которые осуществляют взрывные реформы.

Мне кажется, нет объективных закономерностей появления таких реформаторов.

Каким-то странам везет, а каким-то – нет.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Миркин Я.М.: Дорогой Тигран Суренович, а что можно было ожидать?

Поручили «козлу стеречь огород»...

По сути, предложили руководителям центральных банков ликвидировать часть своих полномочий...

Президенты заложили, конечно, определенную мотивацию в осуществление того, что мы с Вами обсуждаем.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Прошу эзопов язык применять осторожно.

А то это может быть неправильно понято.

Саркисян Т.С.: Абсолютно согласен с данным тезисом. Мне кажется, это была основная ошибка президентов.

То, что это поручение было дано центральным банкам.

Потому что суть этого поручения заключалась именно в их отказе от части своих полномочий.

Требовалось передать эти полномочия на наднациональный уровень.

А они саботировали и бойкотировали это поручение.

Именно потому, что не хотели отказываться от своих полномочий.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Тигран Суренович, Вы говорите, реформы не осуществляют ученые.

Их осуществляют практики.

Хочу напомнить.

Послезавтра будет день памяти Егора Гайдара.

Мероприятие пройдет в Институте экономической политики им. Е.Т. Гайдара.

Это в контексте того, что Гайдар был ученый и реформатор.

Правда, теперь только ленивый не посылает в его адрес нелестные слова.

Но тем не менее хотел бы в этом контексте напомнить об этом человеке и о мероприятии.

Саркисян Т.С.: Абсолютно согласен с Вами.

Но мой тезис заключается в следующем.

Ученый, если он хочет делать реформы...

Он должен занять позицию реформатора, что и сделал Гайдар.

Потому что ему отвели роль реформатора.

И позволили ученому делать реформы.

Тосунян Г.А.: Я тоже идеализировать не собираюсь.

Когда ученый начинает заниматься практикой, ни одного дня не поработав ни в бизнесе, ни в экономике...

Это имеет серьезные издержки.

Слово руководителю социологического центра, члену Академии наук Михаилу Федоровичу Чернышу.

Пожалуйста, Михаил Федорович.

ЧЕРНЫШ М.Ф.

чл.-корр., д. социол. н., проф., директор Федерального
исследовательского социологического центра РАН

Уважаемые коллеги, позвольте поблагодарить докладчиков.

Они выступили остро и содержательно.

В их докладах акцент сделан на экономике, на том, как институты понимаются в экономической науке.

Хотя институт – понятие широкое, имеющее в других дисциплинах несколько иное определение.

Два известных автора, Аджемоглу и Робинсон, которые стали лауреатами Нобелевской премии, предложили рассматривать институты с точки зрения выполнения ими определенных социальных функций.

До них свой вклад в разработку темы внес Карл Поппер с работой «Открытое общество и его враги».

Не менее известны работы еще одного лауреата Нобелевской премии – Дугласа Норта.

Он тоже делил общества на закрытые и открытые по типу институтов.

Нельзя не упомянуть Фрэнсиса Фукуяму, написавшего труд под названием «Угасание социального порядка».

Он подробно рассматривал то, как функционируют институты в обществах, переживающих глубокий кризис.

Нил Фергюсон, воспевающий преимущества западной цивилизации, связал ее достижения с теми институтами, которые там возникли и обрели твердую почву.

В этой концепции присутствует идеология превосходства западного мира над миром незападным.

Представим, что эта теория верна.

Остается при этом важный вопрос: можем ли мы заимствовать западные институты?

Заимствовать их, ничего в них не меняя?

А второй вопрос: есть ли нужда в том, чтобы эти институты так напрямую пересаживать на российскую почву?

Вспомним знаменитый доклад Коулмена, подготовленный им и группой американских социологов после того, как СССР запустил искусственный спутник Земли.

Наши успехи в космосе объяснялись преимуществами советской системы образования.

Пришли новые времена, и этот успешный институт благополучно разрушили, решив, что мы в этой области в отстающих и нам надо заимствовать западные образцы.

Приняли Болонскую систему – критикуемую, кстати, на Западе – и начали готовить квалифицированных потребителей.

Возможно, на ниве потребления мы и добились продвижения, но, как показывают исследования, IQ населения России снижается.

Ключевой вопрос, который больше относится к социологии, чем к экономике, мог бы звучать следующим образом: кто принимает решения, влияющие на состояние институтов?

Если институты – это нормативная база жизни общества, то элиты и есть тот агент, который обеспечивает их воспроизводство и провоцирует их изменения.

Речь здесь идет не о качестве элит, хотя, конечно, качество элиты имеет значение.

Речь – об идеологии элиты, о ее идейных ориентирах и приоритетах.

В какой-то момент – здесь я согласен с докладчиками – евразийские ценности были этими элитами отвергнуты в пользу западных, в пользу заимствования институциональных форм.

И это привело страну и общество к катастрофическим результатам.

Рассуждая о связи институтов и идеологий, невозможно обойти вниманием наследие Макса Вебера, его концепт протестантской этики.

Вебер полагал, что идейные основы современного западного общества коренятся в протестантизме – кальвинизме, если быть более точным.

И то, что после распада СССР страна погрузилась в глубокий кризис, тоже обусловлено той неписаной идейной программой, которую продвигали сторонники реформ.

В обществе эту программу поддерживало меньшинство, но идеи нового правящего класса одержали верх.

Элите удалось запустить процесс разрушения институтов, но создать им полноценную замену она не смогла.

В оправдание своих неудач элиты того периода запускали в оборот разрушительные мифы.

Говорилось об устойчивых стереотипах, затрудняющих внедрение нового, об институтах, несущих в себе наследие прошлых эпох.

Это якобы подтверждали эмпирическими исследованиями.

Большую популярность обрел голландский социолог Хофстеде со своей методикой изучения национальной культуры.

Его опросы показывали, что российское население отличается от населения других стран тем, что стремится к избеганию неопределенности.

Спрашивается, а чего можно было ожидать от общества, пережившего глубочайшие потрясения в 90-е годы?

Желания новых потрясений?

Новой неопределенности?

Ведь потрясения 90-х имели беспрецедентный масштаб, они стали тяжелой травмой, которая, конечно же, сказывалась и будет сказываться на состоянии институциональной сферы.

Сложившаяся ориентация – это не константа культуры, а последствия конкретных событий, прожитых в определенный период.

Или еще один оскорбительный миф: российские граждане – рабы от рождения, потому что так сложилась история страны, так определились психоконплексы российского сознания.

И здесь попытка перевести стрелки на население там, где отвечать должны элиты.

Разве граждане России всегда беспрекословно подчинялись государству, государственной воле?

Опровергнуть эти допущения совсем несложно.

Вспомним еврейскую эмиграцию 70-х годов.

Тогда из СССР по еврейской визе выезжали не только евреи, но и граждане других национальностей.

Они вполне адаптировались в западных странах, им адаптация давалась гораздо легче, чем выходцам из других государств.

В 90-е эмиграция из страны приняла массовый характер.

Уезжали не только ученые, не только люди искусства, но и инженеры, рабочие, представители самых разных слоев советского общества.

Это была активная часть общества, которая утратила веру в реформы, в страну, раздираемую социальными и национальными конфликтами.

В большинстве своем эмигранты отлично адаптировались к жизни в иной институциональной среде.

В российской культуре заключен мощный потенциал институционального развития, который так и не задействован в полной мере.

И вина за это лежит на российской элите.

Впрочем, как и всегда, в течение всей российской истории с ее победами и неудачами.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Михаил Федорович.

проф. МЕДВЕДЕВ П.А. – акад. ПОЛТЕРОВИЧ В.М.

Медведев П.А.: Виктор Меерович, можно у Вас спросить?

Скажите, пожалуйста, почему в Западной Европе, с одной стороны, и в России и в осколках империи Чингисхана, с другой, потребности в совершенствовании вооружения сыграли разную роль?

Спасибо.

Полтерович В.М.: Объяснить, почему то или иное изобретение произошло в одной стране и не произошло в другой, довольно трудно из-за влияния случайных факторов.

В Европе, видимо, важную роль сыграла конкуренция между непрерывно враждовавшими государствами.

А вот в Китае после распада империи Чингисхана сохранялась имперская форма правления, что не способствовало развитию.

Россия, в отличие от стран Запада, всегда была догоняющей экономикой, где технологическое развитие происходило главным образом за счет заимствования технологий, а не за счет изобретения принципиально нового.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Это провокационный вопрос.

У нас Павел Алексеевич любит провокационные вопросы.

Полтерович В.М.: Нет, вопрос нормальный.

Тосунян Г.А.: Пожалуйста, Надежда Александровна Касавина, член Академии наук из Института философии РАН.

чл.-корр. КАСАВИНА Н.А. – проф. АУЗАН А.А.

КАСАВИНА Н.А.

чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник
Института философии РАН

Касавина Н.А.: Уважаемые коллеги!

Присоединяюсь к словам благодарности и Гарегину Ашотовичу, и докладчикам за яркие выступления.

Кратко хочу откликнуться на сюжет доклада Александра Александровича об индивидуализме и коллективизме.

Сегодня все чаще в информационном пространстве курсирует вектор укрепления интереса к коллективизму.

Просматривается он и в научных публикациях гуманитарного профиля.

Все чаще звучат темы:

- коллективизм как традиционная ценность,
- коллективизм как патриотизм,
- патриотизм как коллективизм...

Аузан А.А.: Прошу прощения, я как раз утверждаю.

Россия – биполярная страна.

Индивидуализм не победит.

Коллективизм не победит.

Нужно прекращать войну этих начал.

Нужно искать диалог и кооперацию.

Спасибо.

Касавина Н.А.: Хорошо.

Мне хотелось бы обратиться к интересному исследованию.

Это исследование, которое провел Владимир Самуилович Магун из Института социологии.

Его статья «Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы» была признана лучшей статьей журнала «Социологические исследования» за 2023 год.

Это исследование связано с обращением к Европейскому социальному исследованию (European Social Survey) и методологии Ш. Шварца.

Ценности как предмет исследования при этом представлены по оси «Индивидуалистическая ориентация – Социальная ориентация».

Так вот, анализ эволюции базовых ценностей россиян в связи с этим показывает интересную вещь.

С 2006 по 2015 год в России произошло укрепление ценностей индивидуализма, и это значимое достижение.

При этом сам индивидуализм трансформировался: от эгоистического – к альтруистическому.

Может быть, это как-то связано и с тем, что Гарегин Ашотович говорил в своем вступительном слове об ответственности за дар?

Получается, произошло очень значимое и позитивное смещение в сторону обращенности человека к другому, к альтруизму как ценности.

Этим наполняется зрелый индивидуализм.

Эти ростки важно поддерживать.

Мы же наблюдаем, как в общественном сознании сегодня позиционируется дистанцирование от этого проблемного ракурса и от ценностей индивидуализма.

Два раза как минимум в докладе Якова Моисеевича прозвучало обращение к адаптивности.

Это очень интересно и вдохновляюще воспринимается на социально-политическом, социально-экономическом уровне, поскольку обращает к некой надежде на преодоление.

Но в каком-то смысле это звучит и грустно.

Поскольку все больше мы осознаем, что снова актуализируется вектор возвращения к предельным условиям или к модусу выживания.

И с точки зрения человеческих ресурсов это, действительно, грустно.

Сегодня проводится много исследований, которые фиксируют проблемность и остроту социально-психологического состояния россиян.

Такое состояние по ряду индикаторов, в том числе росту конкретных заболеваний, девиантности, случаев самоубийств, вызывает очень большие опасения.

Получается, что эта адаптивность оплачивается очень дорогой ценой.

И на уровне анализа социального самочувствия об этом тоже важно не забывать.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Олег Анатольевич Ефремов.

к. филос. н. ЕФРЕМОВ О.А. – акад. ТОСУНЯН Г.А.

Ефремов О.А.: Спасибо.

Во всех прекрасных докладах, которые мы сегодня услышали, звучит один и тот же лейтмотив.

Это необходимость выработки и реализации национального модернизационного проекта.

То есть выработки такой программы развития, которая сочетала бы понимание неизбежности, безальтернативности капиталистических рыночных институтов с существенными элементами регулирования.

Но в то же время – программы, которая учитывала бы особенности социокультурной среды.

Той среды, в которой нам эту программу предстоит реализовывать.

Безусловно, эта среда – не только ограничение, не только проблема, не только препятствие.

Это может быть и источник очень существенных преимуществ.

Что доказывали все те страны, которые сегодня упоминались.

Модель, которая формируется в Корее, в Китае, на Тайване, отлична от западной.

Всякий раз здесь задействуются определенные возможности.

Те возможности, которые открывает социокультурная среда.

Разумеется, с очень серьезными компонентами модернизации и приспособления.

Нам никак не обойтись без диктатуры развития.

Другого варианта у нас и нет.

У нас есть прекрасный опыт этой диктатуры.

Прекрасный даже не в плане успешности, а в том, что он позволяет делать очень серьезные выводы.

Петровские реформы тоже можно считать диктатурой развития.

Большевистский период, диктатуру пролетариата тоже можно считать диктатурой развития.

Эти диктатуры свидетельствуют о следующем.

Существенная проблема – программа, ее цель.

Сегодня условием успешности этой диктатуры в том числе будет понимание того, что нам не надо создавать альтернативу капитализму.

Нам не надо искать что-то, что не нашли другие.

А взять то, что уже доказало свою эффективность и действительно безальтернативно.

Демократию считают предпосылкой всего этого.

Но демократия – не предпосылка.

Демократия – результат.

Это то, что может возникнуть в процессе успешно реализуемых реформ.

Демократия требует и сложившейся рыночной экономики.

Демократия требует формирования независимых субъектов.

Субъектов, опирающихся на определенную ресурсную базу.

Демократия требует создания гражданского общества.

Поэтому демократия не может быть предпосылкой успешной модернизации.

Демократия может быть только ее следствием и одним из результатов.

А тот путь, который показывает нам диктатура развития, – это тоже безальтернативно для нас.

Конечно, со всеми ее рисками, особенностями и угрозами.

Другой вопрос, как это может быть реализовано.

Нельзя слепо копировать чужой опыт.

Здесь все равно придется искать свое.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Сегодня так часто, так нежно используют слово «диктатура».

У меня это вызывает аллергию.

Вы как раз высказали это прекрасное отношение к диктатуре пролетариата.

Эта самая диктатура пролетариата такой рывок позволила сделать стране!?

Да она уничтожила половину страны!

Давайте все-таки не будем говорить о диктатуре развития, диктатуре еще чего-то.

Давайте найдем замену этому словосочетанию.

Точно так же, как термин «социальная инженерия».

Я потратил немало усилий, доказывая, что этот термин неуместно применять, обозначая манипуляции людьми с целью получения конфиденциальной информации.

Это правильное назвать «социально-криминальная инженерия», чтобы была понятна ее преступная суть.

Так будет вернее.

Понимаете, нежными словами преступную философию оправдывать совершенно неуместно.

Поэтому не диктатура должна быть в этом случае.

Возможно:

– философия развития,

– философия экономического роста,

– философия благополучия.

Слово «диктатура» имеет негативный оттенок в любом контексте.

Само это понятие уже заряжает определенным образом.

Пожалуйста, профессор Мокий.

МОКИЙ М.С.

Д. Э. Н.

Спасибо большое, коллеги.

Присоединяюсь к словам благодарности.

Я сразу перейду к дискуссии и предлагаю вернуться к теме нашего обсуждения: «О роли институтов в развитии общества».

Тигран Суренович говорил о привлечении иностранных советников.

В связи с этим я хочу напомнить слова методолога Марка Блауга:

«Наши советы странам, которые переходят от социалистического строя к капиталистическому, оказались хуже, чем бесполезные».

Причина этого состоит как раз в том, о чем говорил Виктор Меерович.

Они не учитывали разности культур.

А культура – это совокупность моральных и нравственных норм.

Норм, определяющих поведение людей в обществе и в экономических отношениях.

Здесь говорили об ошибках различного рода.

Ошибках, которые существовали в развитии в том числе и институтов.

Но каково научное обоснование признания правильности, и каковы критерии ошибочности их изменения?

Я не знаю, знакомы ли вы с системно-трансцендентальной концепцией.

Основным понятием в этой концепции является понятие базовых элементов системы.

Например, базовыми элементами барионной материи, нашей Вселенной как системы, являются элементарные частицы.

Из них строятся атомы и все во Вселенной.

Вам как физику, Гарегин Ашотович, будет понятно, о чем я говорю.

Что такое изменение состояния системы?

Это изменение количества, состояния и связей между этими базовыми элементами.

Древние говорили:

«Познай самого себя – и ты познаешь богов и Вселенную».

В этой связи давайте рассмотрим организм человека как систему.

Базовыми элементами системы человеческого организма являются клетки.

Изменение состояния организма есть изменение состояния его клеток и связей между ними.

Развитие организма – это рост количества и изменение состояния клеток и связей между ними.

Системной целью организма является обеспечение нормального развития всех клеток и связей между ними.

Козволюционное развитие клеток предусматривает строго детерминированное количество вещества и энергии.

Если какие-то клетки начинают себя вести по-другому, то есть потреблять больше или меньше вещества и энергии, это приводит к заболеваниям разного рода, в том числе и раку.

Если мы это экстраполируем на социально-экономические отношения, то должны признать.

В системе «человечество» базовым элементом является человек.

Системной целью человечества является развитие всех людей.

В системе экономических отношений базовыми элементами являются домашние хозяйства.

Поэтому системной целью экономических отношений является повышение благосостояния всех домашних хозяйств.

Если способы производства благ, их обмена и распределения направлены на повышение благосостояния не всех, а лишь отдельных домашних хозяйств...

Эта дисфункция воспринимается людьми как несправедливость.

И включается механизм нейтрализации дисфункции – от глухого недовольства действиями начальников до бунтов и революций.

При этом переход на новый уровень развития в системе происходит тогда, когда количество измененных базовых элементов достигает критического уровня.

Следовательно, количественное и качественное достижение указанных целей (развитие всех домашних хозяйств и всех людей) должно стать критерием оценки деятельности руководителей. Должно быть институционализировано.

Эти цели должны лежать в основе морально-этических норм поведения людей и институтов.

И должны лежать в основе показателей моделей социального и экономического развития.

С позиции системного подхода фраза «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» превращается из лозунга в закон природы.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, сейчас – короткие заключительные слова.

Полемика была настолько сложная, настолько многогранная, что, безусловно, есть возможность что-то добавить.

С удовольствием выслушаем.

Пожалуйста, Александр Александрович.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

АУЗАН А.А.

д. э. н., проф.

Спасибо, Гарегин Ашотович.

Знаете, уважаемые коллеги и друзья, чем академики отличаются от студентов?

Современный студент из поколения зумеров в состоянии сосредоточить внимание на 18 минут.

Когда у нас читала лекцию один из блистательных профессоров Петербургского университета, то у меня возник вопрос:

«Почему лекция состояла из 20-минутных блоков?»

Ответ был такой:

«Ну, это только ты замечаешь.

Студенты же, они слушают по 20 минут».

А вот академики пятый час держат такой градус внимания.

Это поражает и вызывает уважение.

Зачем я прихожу в это почтенное собрание?

Кант в свое время сказал, что ответы находить легче, чем вопросы.

Здесь я услышал много вопросов.

Я услышал также соображения, которые рождают вопросы.

Значит, мне будет о чем подумать.

Спасибо вам большое, дорогие коллеги.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Яков Моисеевич.

МИРКИН Я.М.

д. э. н., проф.

Миркин Я.М.: Спасибо большое за дискуссию.
Я готов отказаться от термина, я ненавижу диктатуры, ненавижу всей душой.

Тосунян Г.А.: Спасибо, уже какой-то конкретный результат есть.

Миркин Я.М.: Термин экономический, известный – «диктатура развития».

Давайте заменим его на «государство развития».

И опишем это государство.

Я попытался быть прагматичным.

Попытался показать кусочки мозаики.

Из этих кусочков и создается политика развития.

Институты, культуры, кусочек географии – это на самом деле статика.

Мы забыли такую вещь, как политика.

Я попытался сегодня ее представить.

Политика развития.

И конечно же, лидер.

Автор экономического чуда и его команда.

Я сожалею, что Виктор Меерович понял меня именно так, что речь идет о высокоморальных ангелах.

О лидерах, которые проводят политику развития.

Они совершенно не высокоморальные.

Я об этом не говорил.

Наверное, только одного человека из этой плеяды авторов экономического чуда можно было бы назвать высокоморальным.

Это Людвиг Эрхард.

Еще – Ли Годин (Тайвань).

В любом случае, о какой моральности я говорю?

Все «авторы экономического чуда» были привержены политике развития.

Это во-первых.

И во-вторых, я в этом уверен, они любили собственный народ.

Они об этом писали, они об этом говорили.

Об этом свидетельствуют результаты их деятельности.

Несмотря на то, что и Франко, и тем более Чан Кайши, и Дэн Сяопин с его сложнейшей судьбой, и Ли Куан Ю, и Пак Чон Хи – абсолютно не ангелы.

Сегодня был поднят интересный вопрос.

О том, что лидеру нужно быть прагматичным.

Я бы сказал, что лидер складывается из трех кусочков мозаики.

Да, он очень прагматичный.

Я постарался сегодня показать прагматичную политику развития.

То, как это осуществлялось в странах на самом деле.

Готов представить вплоть до технических инструментов.

Но кроме прагматичности каждый из них руководствовался определенной идеологией.

Это второй элемент мозаики.

Каждый человек, любой председатель центрального банка, любой президент, министр финансов действуют в рамках определенной идеологии.

Мы сегодня говорили именно об идеологии прагматичного человека.

И третье – идеализм.

Когда я читаю слова признания Людвиг Эрхарда в любви к собственному народу или когда я читаю слова Дэн Сяопина о том, что его мечта – сделать так, чтобы китайцы жили по-иному, я в это верю.

Несмотря на то, что у каждого из этих людей было – за исключением, может быть, Людвиг Эрхарда и Ли Года – неоднозначное прошлое.

Еще раз спасибо за дискуссию.

Тосунян Г.А.: Спасибо. Пожалуйста, Виктор Меевич, Вам заключительное слово.

Спасибо большое.

Еще раз хочу сказать: два доклада, которые мы прослушали, были очень интересными, хотя в них и провозглашались довольно разные точки зрения.

Я хотел бы все-таки ответить на провокационный вопрос Павла Алексеевича Медведева.

Фактически он утверждает, что экономические теории объясняют прошлое, но не способны прогнозировать будущее.

Даже для относительно примитивной системы, где имеется существенный случайный шум, случайные помехи, достаточно точный прогноз будущего может быть затруднен.

А в общественных системах мы имеем дело с неопределенностью гораздо более сложной природы.

Но и в этом случае обобщение прошлого опыта дает возможность выделить наиболее перспективные варианты развития, опирающиеся на выбор определенной экономической политики.

Если бы мы могли изменить систему управления, создав систему индикативного планирования и генеральное агентство развития, ответственное за перспективные задачи, агентство, которое в значительной степени было бы независимо от текущей политики и руководствовалось бы в основном социально-экономическими мотивами, тогда мы могли бы рассчитывать на успех.

Я пытался донести эту идею до высших эшелонов власти, и на самом деле были попытки продвинуться в этом направлении.

До сих пор они оказывались неудачными – главным образом, по двум причинам.

Во-первых, высшее начальство восприняло идею индикативного планирования как идею планирования централизованного, как возврат к советской системе.

Во-вторых, эта идея вызвала яростное сопротивление высших чиновников, и это, может быть, главная причина.

Ведь создание генерального агентства развития означает, что появляется институт, стоящий над министерствами, а роль министерств уменьшается.

До сих пор нам это не удалось, но мне кажется, что следует продолжать попытки продвинуться по этому пути.

Еще раз спасибо докладчикам, и спасибо всем за замечания.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Виктор Меерович.
Пожалуйста, Абдусалам Абдулкеримович.
Вы скажете нам о своих впечатлениях?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГУСЕЙНОВ А.А.

акад. РАН, д. филос. н., научный руководитель
Института философии РАН

Спасибо большое.

Огромное спасибо докладчикам.

Совершенно блестящие доклады по всем параметрам.

И аргументированные.

В них представлены хорошо осмысленные определенные концепции.

В них представлено определенное видение тех предметов, о которых шла речь.

Лауреаты Нобелевской премии рассмотрели развитие экономики, благосостояния обществ, народов в единстве с общественными институтами.

Они установили определенную связь, зависимость одного от другого.

Александр Александрович сделал добавление.

Что есть еще один фактор, в соотнесенности с которым нужно рассматривать развитие экономики, благосостояния народов.

Это культура и ценности.

Если говорить более конкретно, это доверие.

Какая-то степень, градус доверия, которые свойственны тому или иному обществу.

Об этом на одном из наших заседаний он делал замечательный доклад.

Конечно, это совершенно правильное добавление.

В особенности применительно к нашей российской ситуации.

Но здесь у меня возникает вот какое суждение.

Конечно, экономика и благосостояние народа зависят от доверия.

Если более обобщенно – от культуры, от ценностей.

Но в то же время и сама экономика, в частности, рыночная экономика, задает определенные параметры этого доверия.

Экономика задает определенные ограничения, определенную форму.

Экономика сама является фактором, детерминирующим (способствующим, сдерживающим, препятствующим, деформирующим и так далее) доверие между людьми и в обществе в целом.

Тем фактором, который формирует и культуру, и ценности, и доверие.

Разумеется, в любом случае культура, ценности обладают некоторой устойчивостью.

Говорят даже о некотором неизменном ядре.

Вполне можно с этим согласиться.

Во всяком случае, исходить из такого предположения.

Но в то же время...

Несомненно, что культура, ценности находятся под очень сильным влиянием экономики, рыночных механизмов.

Здесь не требуется даже специальных исследований.

Достаточно посмотреть на то, как изменилось наше общественное сознание.

Изменилось в части ценностных предпочтений, культурных акцентов.

Изменилось за постсоветское время.

Это первое.

Второе.

Нобелевские лауреаты установили следующее.

Рассмотрение развития экономики в ее соотношении с политическими, общественными институтами на большом историческом отрезке времени дает нам уже совершенно другую картину.

Именно на этом длинном отрезке развитие и внутренняя взаимосвязь общественных институтов и экономики обнаруживается как некий объективный процесс.

Процесс, в ходе которого нейтрализуются случайности, связанные с отдельными личностями.

Случайности, связанные с какими-то ситуативными вещами.

То есть именно такой длинный отрезок времени нам нужен.

Чтобы проникнуть в логику развития экономики как объективного процесса.

Это процесс, который подчинен своим законам.

И тут, как говорится, ничего не попишешь.

В этой связи возникает такое соображение.

Экономика существует не только во времени.

Как и наша жизнь, она существует еще и в пространстве.

На развитие экономики, на единство общественных институтов и экономики мы смотрим сквозь призму суверенных государств, или группы государств, или национально организованных форм общежития.

То есть смотрим с точки зрения пространственно ограниченных форм нашего бытия.

В этом аспекте наш взгляд оказывается узким.

Может быть, чтобы понять логику и объективный характер развития экономики, нужно брать не только длинный взгляд, взгляд во времени?

Его надо дополнить другим измерением – я бы сказал, широким взглядом.

То есть брать экономику во всей пространственной полноте.

Дошла ли эта полнота в настоящее время до глобальных размеров?

Во всяком случае, если глобальные масштабы понимать как планетарные, охватывающие все человечество, то мы к этому очень близки.

Может, такой взгляд на экономику, на соотношение экономики с институтами, культурой, ценностями в таком глобальном пространственном охвате, и будет адекватным?

А узкий взгляд в пределах отдельных государств или каких-то других ограниченных единиц – он по-своему ценен, в особенности для практических решений в масштабе конкретных государств, обществ...

Например, колониализм английский, или колониализм французский, или вообще рассмотрение самого колониализма в отдельности ...

Такой взгляд будет, конечно, важным.

Но он все-таки не даст той объективности, которая требуется для научного анализа экономики, для выявления общих законов экономического развития.

Над этим, мне кажется, следовало бы подумать.

Здесь прозвучали упреки в адрес экономистов. Они, мол, не могут прогнозировать будущее.

Конечно, в этом можно упрекать экономистов. Но нужно быть осторожными.

Этого не могут не только экономисты.

Прогнозировать будущее вообще никто не может.

Человек – это такое существо, которое помнит прошлое. Но не помнит будущее.

Он не знает будущего, не может знать будущего. Как можно знать то, чего еще нет?!

Просто человек так устроен.

Его включенность во время именно этим характеризуется.

Для него будущее закрыто.

Действительно, мы на какое-то количество лет можем просчитать свои действия.

Мы строим планы на пятилетие, на десятилетие и так далее...

Но это не значит, что таким образом мы проникаем в будущее.

Это – наше настоящее.

В этом смысле даже футурология принадлежит к настоящему.

А в широком философском смысле будущее – это то, что закрыто от человека.

Выскажу еще такое соображение.

В рассуждениях фоном присутствует понятие «экономическое чудо».

Есть государства, которые его осуществили.

Это признается как важное явление, которое заслуживает уважения, повторения и изучения.

Именно так воспринимало чудо наше общественное сознание в постсоветское время.

В 90-е годы все искали возможности, как бы нам приобщиться к этому чуду.

Или, как говорил Тигран Суренович, все хотели с помощью Международного валютного фонда и других учреждений достичь такого чуда.

Но этого не получилось.

Не получилось не только у нас.

Не получилось у подавляющего большинства стран.

Стран, которые образовались в результате краха коммунистической системы.

Не знаю, как в других странах, а у нас впечатление такое...

Что из общественного сознания в его широком популярном виде само понятие экономического чуда исчезло.

Люди уже не воспринимают экономический расцвет как некое чудо.

Чудо, которое было бы неплохо и нам обрести каким-то образом.

Сейчас ищут какое-то другое, русское чудо.

В самом общественном сознании произошло какое-то смещение.

Смещение с экономики на другую сферу. Сферу культуры, ценностей, идеологии.

И как будто все проблемы уже связаны с этим. Мы уже ищем свой генетический код.

Мы хотим найти, осмыслить себя уже не как государство с какими-то экономическими достижениями, а как цивилизацию.

И надеемся на чудо, запрятанное, дремлющее в недрах нашей цивилизации.

Во всяком случае, над этим надо задуматься.

Нельзя отказываться от того, что экономика все-таки остается решающим фактором, базисом нашей общественной жизни, нашего развития.

Тем не менее здесь требуется какая-то конкретизация.

Она позволит нам остаться при таком же внимании к экономике, но без опоры на понятие экономического чуда.

Раз у нас с этим дела плохи.

Вот такие у меня замечания.

Еще раз спасибо нашим докладчикам.

За то, что они выразили уважение к нашему сообществу и представили такие глубокие доклады.

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо. Надо наш Научно-консультативный совет с Нобелевским комитетом объединять, а то у них не всегда самые правильные решения.

Коллеги, постараюсь быть кратким.

Отмечу тезисно только то, что зацепило.

Что касается вопросов культуры и институтов.

Безусловно, здесь одно без другого быть не может.

Никто не ставит во главу угла только институты, недооценивая культуру.

Но культуру, так же как и религию, как и этнические особенности, нельзя ставить во главу угла, если мы разделяем один важный тезис.

Человечество все-таки развивается не только по странам и по континентам, но и как единое целое.

Так что культура культурой.

Этнические, религиозные и прочие особенности – особенностями.

Но недооценивать роль институтов нельзя.

Выступлю адвокатом дьявола.

Полагаю, что лауреатами взята очень важная составляющая.

И наши коллеги-нобелиаты не на все вопросы могут ответить.

Но это никак не умаляет значения их исследований.

На что еще я обратил внимание?

Переворот в ценностях, отказ от рабства – это один из важнейших вопросов.

Был приведен пример США.

Без совместных усилий культуры и институтов совершить этот переворот невозможно.

Когда речь идет о религиозных особенностях, там могут превалировать некие базовые духовные понятия.

В любой системе важно сочетание культуры с институтами...

Важно нацелиться на то, чтобы отказаться от философии рабства.

Это наша очень болезненная тема в том числе и для нашего народа.

Теперь пару слов о нашей культуре, институтах и выборах.

Конечно, мы всегда были за выборы. Но правильно было отмечено первым докладчиком, что при этом мы почему-то всегда выбираем царя.

Приведу наиболее яркий пример института образца нашего советского прошлого.

Из него отчасти можно будет понять, как в нашей недавней действительности реализовывались институты в прошлом столетии, откуда и произрастает наш особый подход к институтам.

Мы за Конституцию?

Безусловно.

Но там, откуда ни возмись, после множества поправок появляется пресловутый эквивалент «шестой статьи» Конституции СССР...

С 18 лет я носил Конституцию СССР в кармане пиджака или в портфеле.

И сейчас она у меня в пиджаке.

С 18 лет у меня было к этому документу очень серьезное отношение.

И я все пытался понять эту шестую статью Конституции СССР.

Я не мог понять, почему «руководящей и направляющей силой нашего общества» в Конституцию была вписана КПСС, которая жила по своим внутренним инструкциям, а не по принятому публично закону.

Я стал искать ответ в нормативных документах КПСС.

Оказалось, нет ни одного открытого документа, кроме Устава КПСС и Программы КПСС.

В уставе четко были сформулированы четыре принципа «демократического централизма».

На самом деле там централизм был в явном виде через «обязательное исполнение решений вышестоящих органов нижестоящими» и «подчинение меньшинства большинству», а демократия была прописана через «выборность снизу вверх и большинством голосов».

Но кандидатура спускалась всегда сверху, а большинство всегда было «агрессивно-послушным», помня репрессии прошлых лет.

Но главное, не было ни одного открытого нормативного документа, из которого можно было понять процедуры, согласно которым принимались решения КПСС.

Они «для служебного пользования» – это минимум, и до «совершенно секретно».

Такая конструкция не работает долго. И КПСС развалилась вместе с государством.

Это к вопросу о выборах, Конституции и так далее.

Еще короткий комментарий.

По поводу того, что «Китай не даст нам упасть. Но и не даст нам подняться».

Меня унижает, что кто-то может нам диктовать.

Нам – огромной, богатейшей стране мира...

Это мы должны бы занять положение, когда сможем диктовать Китаю и другим.

Диктовать, но не силовыми методами, а с помощью мягкой силы.

Силовые методы, как говорил Александр Александрович Аузан, не самый эффективный метод влияния.

Силовые методы должны заменяться методами экономического, психологического, философского, морально-этического воздействия в комплексе.

Конечно, не так лицемерно, как это иногда происходит.

С одной стороны – отказываюсь от рабства.

А потом сбрасываю атомные бомбы на Хиросиму, потом, под предлогом защиты демократии, иду бомбить Белград.

Это, наверное, болезни роста, и когда-нибудь человечество перестанет доказывать свою правоту грубой силой и навязывать свое представление о справедливости с помощью оружия.

Найдутся для этого более деликатные методы.

Для этого очень нужно иметь множество эффективных, а не формальных бюрократических международных институтов.

Да, Россия проходит сложный путь.

С учетом всех паттернов, о которых говорилось.

У нас нет доступа к мировому капиталу.

Но почему при своем потенциале мы должны быть на вторых, а то и третьих ролях, а не сами создавать мировой капитал?

Капитал, к которому другие будут искать доступ, а не наоборот.

Но для этого к нам должно быть доверие. В первую очередь внутреннего, а потом и внешнего инвестора.

А мы с национальной валютой что творим?

В советский период – реформируем, меняем, деноминируем.

В постсоветский период – две денежные реформы (1991, 1993 годы).

Потом прошла более-менее человеческая деноминация 1997 года.

Но зато перешли к другому инструменту.

Рубль не трогаем.

Деноминировать рубль не будем.

Но будем играть с курсом валюты и с ключевой ставкой.

Сейчас стал актуальным вопрос, а можно вообще ли быть уверенным, что не будет заморозки счетов, вкладов?

Я считаю, такой шаг был бы безумием.

Но в то же время с учетом, нашей специфики, я могу поверить в любое безумие.

С низкой вероятностью, но могу поверить.

Потому что мы привыкли, что на финансовом рынке допустимо любое безумие.

Имеем же мы сегодня такие шикарные депозиты под 24%.

Идите, зарабатывайте, если есть деньги.

Только это все съедается потом инфляцией и девальвацией.

За три месяца вы заработаете, за три дня потом все это можете потерять.

А вы говорите о двухлетних прогнозах.

Миркин Я.М.: Прошу прощения.

Участвовал в совещании с министром финансов и вице-премьером.

Там пытались выяснить, откуда в общественном пространстве появилась эта идея – про заморозку вкладов.

А я вам скажу.

Тосунян Г.А.: Вражеские источники.

Миркин Я.М.: Профессор Зубец.

И после этих прогнозов был ликвидирован институт, он уволен.

Потому что это диверсия.

С моей точки зрения, профессиональный экономист такие вещи вслух говорить не должен.

Тосунян Г.А.: Это недопустимо.

Но эти диверсии основаны на нашей исторической памяти.

Миркин Я.М.: Так вот, Антон Германович Силуанов говорил, что ситуация дурацкая.

Мы начнем опровергать – скажут: «Теперь точно заморозят».

Поэтому, видимо, надо молчать.

Тосунян Г.А.: Все правильно.

По поводу финансовой культуры и финансовой грамотности мы, наверное, поняли друг друга.

Каждая – важная составляющая, но никак не подменяющая другую.

Безусловно, финансовая культура, управление бюджетом, причем так, чтобы он был прозрачный, а не закрытый по множеству статей...

Это так же, как и в отдельно взятых корпорациях и коллективах прозрачность стимулирует доверие и эффективность работы. Закрытость – разрушает компании.

Информация все равно просачивается, но просачивается как раз в худшем виде.

У людей снижается доверие, а отсутствие доверия к бюджетной политике, к тому, как управляют средствами, начиная от семьи до корпораций и до государства, – это самый разлагающий фактор.

И отсюда возникают 68% недоверия населения к правительству и государству.

Это, конечно, потрясающая цифра.

О коррумпированной демократии.

Никакой демократии в сильно коррумпированной системе управления нет и быть не может. Это игра слов и подмена понятия.

Кстати, у китайцев тоже есть определенная своеобразная демократия...

Ждем от коллег доклад по китайской коррупции.

Это неотъемлемая культурологическая особенность каждой из наций.

В том числе эта особенность есть у китайцев, и заложено это в двойном стандарте – своих обманывать, в принципе, не хорошо, а чужих можно!

Со своими надо уметь договариваться, в том числе на коррупционной основе.

А обманывать чужих – это не обман, это бизнес по-китайски.

В одном из докладов прозвучало, что мы – федеративная республика.

Скажите у вас, коллеги, по этому поводу не возникает вопросов?

Соглашусь, что на бумаге обозначили страну как федерацию.

Но после того, как перешли к назначению губернаторов, насколько сохранилась суть федеративности?

Какой из субъектов федерации имеет самостоятельность и может формировать свою модель развития?

Какая может оставить у себя налоги?

Если бы у нас был хотя бы один маленький Гонг-конг...

В таком случае можно было бы развивать нашу федеративную культуру.

На этой мажорной ноте я должен остановиться.

Мы заседаем уже пять часов.

В Zoom на пике было 150 человек, записалось больше 200.

Сейчас в Zoom осталось 66 человек.

Бесконечно благодарен докладчикам и всем участникам.

Удачи, здоровья!

Ничего не ломайте и ничего не бойтесь.

**Список литературы, опубликованной по итогам
заседаний НКС ООН РАН, «Открытых дискуссий»
президента АРБ и НИИ ДДиП**

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.
2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.
3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.
4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.
5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.
6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.
7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.

8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.
9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.
10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.
11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.
12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.
14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.

15. 2022-й – «особый». 2023-й – риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.
16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.
17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.
18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.
19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.
20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.
21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.

22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.
23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023). Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.
24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.
25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.
26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.
28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.
29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.

30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.
31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.
32. Институт финансового омбудсмана, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.
33. 2023-й – итоги. 2024-й – перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.
34. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.
35. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.
36. Проблема общечеловеческих ценностей. Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
37. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.

38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.
39. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.
40. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.
41. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.
42. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.
43. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.
44. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.
45. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.

46. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.
47. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru>

Роль институтов в развитии общества

Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
14 декабря 2024 года

Презентации докладчиков можно скачать по ссылке:

<https://rannks.ru/pubs/>

Подписано в печать 10.12.2025
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 131

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков – реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института - многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.